

БЕРЕГ ЖИВЫХ II

БУРЯ НА ГОРИЗОНТЕ

АННА СЕШТ

Берег ЖИВЫХ

Анна Сешт

Берег Живых. Буря на горизонте

«Автор»

2020

Сешт А.

Берег Живых. Буря на горизонте / А. Сешт — «Автор»,
2020 — (Берег Живых)

Одержав блестящую победу в Лебайе, обретя новых союзников, царевич Ренэф оказывается в сердце политической игры, которая превосходит его понимание. Царевна Анирет, проходя сложный путь обучения, выбирает идти по стопам одной из самых великих своих прародительниц – знаменитой Императрицы Хатши. Но повторить чужую судьбу не так легко. Хэфер, потерянный наследник трона, ищет пути примирения со своей новой природой, дарованной ему двумя противоречивыми Богами. А меж тем угроза новой войны нарастает.

Содержание

Часть 1	5
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Анна Сешт

Берег Живых. Буря на горизонте

Часть 1

Воистину, Мы сотворили человека из сухой звонкой глины, из ила, отлитого в форме. А до того Мы сотворили джиннов из палящего огня. Коран, сура «Аль-Хиджр», аяты 26–27

На северных островах земли были племена богини Дану и постигали там мудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, покуда не превзошли искусных людей со всего света. Ирландские сказания, «Битва при Маг Туиред»

39-й год правления¹ Императора Секенэфа Эмхет

---

¹ Как и древние египтяне, жители Таур-Дуат начинают отсчет лет с начала правления каждого нового императора. Год включает три сезона: сезон Половодья, сезон Выходов, сезон Жары. В каждом сезоне – по четыре месяца, в каждом месяце по три декады, итого 360 дней. Последние пять дней года и несколько часов не относятся ни к одному из сезонов и посвящены богам.

Пролог

Луна серебрила резную беседку из белоснежного камня. Стены её увивали лозы диких чайных роз, свернувших на ночь свои лепестки. В каждом из стрельчатых окон висело по шару, наполненному десятками беспокойных огней-светлячков – они давали мягкий золотистый свет. Издалека доносилась хрустальная мелодия – зачарованная флейта как будто сама пела колыбельную саду. В воздухе витал аромат цветов, многим из которых не было имён ни в одном языке, кроме эльфийского.

Высокий Лорд Иссилян Саэлвэ сидел в удобном кресле со спинкой из тёмного дерева. Перед ним на небольшом столе с витыми ножками стоял искусно выполненный ларец подлинной рэмейской работы. Опустив подбородок на сцепленные пальцы, высокорождённый разглядывал тонкую иероглифическую резьбу, инкрустации из кости и эбенового дерева. Сам ларец был вырезан из драгоценной южной акации, с изображёнными на нём священными зверями Собачьего Бога демонокровных: чёрными не то псами, не то шакалами с изумрудными глазами.

Посланник замер на ступенях беседки, учтиво ожидая, не смея нарушать ход мыслей своего господина. Пока длилось молчание, эльф тоже разглядывал шакалов на ларце, который он сегодня доставил Высокому Лорду, и невольно думал, что те, пожалуй, не так уж отличались от гончих Каэрну Охотника. Похожи звери были не только обликом, но и предназначением – сопровождать и охранять мёртвых.

– Этот дар мы пока придержим, – вымолвил наконец лорд Иссилян. – Пресветлой надлежит получить его в строго определённый момент.

– Я полагал, Вы пожелаете приурочить передачу ларца к падению Леддны, – с поклоном ответил посланник.

– К падению? – усмехнулся Высокий Лорд и покачал головой. – Город просто перешёл в другие руки – возможно, даже более надёжные. Но в этом нам ещё предстоит убедиться, притом совсем скоро. Как бы там ни было, время этой вести ещё не пришло, – он положил изящную, узанзанную драгоценными перстнями руку на крышку ларца и посмотрел на посланника.

Взгляд кобальтовых глаз, видевших уже так много даже по эльфийским меркам, засвидетельствовавших столько событий, великих и низменных, многих заставлял чувствовать себя не в своей роще. Даже тому, кто прослужил Высокому Лорду Саэлвэ всю свою жизнь, кто научился читать неуловимые перемены в этом прекрасном лице без возраста, иной раз делалось не по себе. Чего лорд Иссилян ожидал сейчас? Был ли доволен тем, как разворачивались события, или, напротив, разочарован?

– Ты доставил ларец вовремя, Каэлисс, – мягко заверил его высокорождённый. – Тем более что Его Высочество Кирдаллан уже изволил выразить нетерпение, и это понятно – его беспокоит судьба брата. Право же, иногда он немного напоминает мне... нашего юного завоевателя Леддны.

Тот, кого Высокий Лорд назвал Каэлиссом, поперхнулся от неожиданности, но сумел замаскировать эту неловкость. Сравнение наследного принца Данваэннона с демонокровным, пусть даже самим Ренэфом Эмхет, не всякому пришлось бы по вкусу, особенно учитывая последние события. Но в устах Высокого Лорда Саэлвэ такое сопоставление приобретало иной смысл, ведь царевич был сыном сиятельной Амахисат, их союзницы. Что ж, может, в этих словах и крылась доля истины. Кирдаллан, старший сын королевы Ллаэрвин, был военачальником. Ему предстояло в скором времени управлять войском рода Тири, а в случае войны – объединить под своим командованием армии всех родов Данваэннона. Как многие воины, он был скор и на расправу, и на суждения – в текущей ситуации это качество для их планов было особенно полезным. Но Кирдаллан Тири поддерживал мать во всём и полностью, и он не

забыл старой родовой вражды. Пожалуй, принц охотнее повёл бы своё войско против самого Саэлвэ, чем против демонокровных.

Да, Каэлисс прекрасно понимал роль наследного принца в грядущих событиях, особенно когда в Данваэнноне узнают о судьбе Эрдана, младшего сына Пресветлой. Тайком королева направила Эрдана с посольством к Императору Секенэфу, миновав необходимое утверждение этого шага Советом Высокорождённых. Тем самым она поставила себя в чрезвычайно неловкое положение и к тому же очень рисковала безопасностью юноши. Какие бы отношения ни связывали её с родом Эмхет – а слухи об этом в Данваэнноне ходили разные, порой противоречивые – от демонокровных можно было ожидать всего, особенно после гибели наследного царевича. Нужно было лишь грамотно расставить акценты.

– Демонокровные по-прежнему не спешат отправлять посольство в Данваэннон, – осторожно напомнил Каэлисс. – Я бы предположил, что они всё же сделали это, просто без ведома наших союзников... но едва ли такое возможно.

– Всему своё время. Императору придётся отправить послов, учитывая, что после леддненской истории мирный договор претерпит некоторые изменения, – лорд Иссилян задумчиво склонил голову, ничем не выразив ни одобрения, ни недовольства. – Я, кстати, слышал, лорд Таэнеран успешно завершил своё расследование в Лебайе. Искомые доказательства найдены.

Каэлисс почтительно кивнул, подтверждая, что и ему известна эта новость, пока не получившая широкой огласки. По приказу королевы многие влиятельные эльфы взялись расследовать историю покушения на наследника трона Таур-Дуат, ведь доказательства указывали на эльфийское вмешательство. Никого не удивит, что преуспел Высокий Лорд Таэнеран Сильри, эмиссар Данваэннона в Лебайе. Сильри, впрочем, не упустит своей выгоды. Игра Дворов² понастоящему не завершалась никогда, даже в самые опасные для королевства времена. Вот только едва ли кому-то было под силу обыграть Саэлвэ. Тремиан Арель пытался не раз, и в итоге это дорого обошлось всему его роду. Великое Колесо продолжало движение, даже когда кланов становилось меньше.

– Прежде чем ты отправишься в Лебайю, Каэлисс... нанеси ещё один визит нашим друзьям Линнтэ. Напомни им ненавязчиво о нашей благосклонности, – лорд Иссилян тонко обезоруживающе улыбнулся.

Посланник понимающе улыбнулся в ответ. Линнтэ были одним из младших аристократических родов. Ну а фигурами помельче главные игроки, как известно, жертвовали, если цель себя оправдывала. Каэлисс был фигурой более значимой, чем юный Келаэлир Линнтэ, тонкий знаток и ценитель рэмейской культуры, на которого обратил своё высочайшее внимание лорд Иссилян. Но Каэлисс не питал иллюзий о собственной значимости. Этот же молодой мечтатель, грезивший о песках и джунглях, был готов ухватиться за любой шанс стать полезным и проявить себя.

– Твоя ученица, – вдруг произнёс высококорождённый.

Каэлисс невольно вздрогнул. Его сердце замерло в ожидании вердикта. По-своему он был привязан к этой девочке – насколько позволяли особенности их жизни и рода занятий, конечно. Он искренне надеялся, что пожертвовать *этой* фигурой господин ещё не решил, и что ему, Каэлиссу, не придётся... Его мысли прервал голос Высокого Лорда.

– Я доволен ею, – лорд Иссилян чуть улыбнулся – облегчение, отразившееся на лице собеседника, не укрылось от него. – Всё прошло как нельзя лучше. Ты знаешь, что делать дальше.

---

² Игра Дворов – эльфийский термин, изначально относившийся к противоборству Дворов Фэйри. Согласно древнему закону «что на небе, то и на земле», это противостояние перешло и на наследников фэйри, эльфов. Неофициально, но общепринято в Данваэнноне Игрой Дворов зовутся политические интриги и многовековое противостояние между Высокими Родами, в которое так или иначе вовлечены все жители королевства.

– Всё готово, мой лорд, – поклонился Каэлисс. – А если *он* всё же проявит благоразумие? Высокий Лорд тихо рассмеялся – точно ветви прошелестели в древней роще.

– Что ж, и это будет по-своему... приятно. В конце концов, уже так мало что может меня удивить.

Почерневший от копоти остов дворца стоял на площади, всеми покинутый. Понемногу в нижнем городе и акрополе разбирались завалы и восстанавливались здания, но ко дворцу никто старался лишний раз не приближаться. Приказ Сына Солнца о его сожжении был принят людьми беспрекословно: горожане верно трактовали, какой символ желал сделать из этого рэмейский царевич. При новой власти никто не хотел связывать себя с Ликиром, навлекшим на город гнев могучих соседей. Даже те, кто прежде поддерживал бывшего градоправителя и ныне был не слишком-то доволен приходом рэмеи, предпочитали помалкивать.

Последние отблески заходящего солнца играли на бронзовой морде демона, ощерившейся в жутковатой ухмылке. Таран был развёрнут так, что теперь демон смотрел на ворота, в которые бился несколько дней назад. Рэмеи не стали разбирать осадное орудие, а вместо этого расположили его в самом сердце города – в напоминание. Но далеко не у всех таран ассоциировался с недавно пережитым страхом.

Никес остановился и привычно с улыбкой отсалютовал демону. Командир не раз уже замечал, что и стражники, патрулировавшие с ним акрополь, переняли эту его привычку и тоже украдкой салютовали бронзовоголовому чудищу. Того и гляди быть этой морде новым символом города – Никес ничуть не удивился бы. Новый символ... Новый город.

Сумерки опускались с холмов, и удлинились тени. Сердце командира стражи радостно встрепенулось, когда он подумал о том, что пора домой. Сегодня был не его черёд стоять в ночном дозоре, хотя, как командира стражи, его могли призвать в любой момент. Дел нынче было не счастье, и многое, очень многое лежало на плечах воинов стражи в новых устанавливающихся в Леддне порядках.

Домой... Рэмейский царевич вернул ему не только жизнь и положение, но и всё то, что было отнято у него. От высокой награды – любого имения в акрополе на выбор – Никес отказался. Слишком свежи были воспоминания Клийи о плене. Наверное, эти раны не затянутся никогда, но командир обещал себе, что сделает всё, чтобы любимая жена, которую Боги чудом вернули в его объятия, забыла о пережитом. У них будет совсем другая жизнь. Да что там, ведь у всего города теперь будет совсем другая жизнь!

Несмотря на радостное предвкушение, Никес никак не мог отделаться от смутных тревожных предчувствий. Он смотрел на холмы за городом, вспоминая тайные тропы. Леддне ещё только предстояло стать новым рэмейским гарнизоном. Скоро придут солдаты Императора, но пока сил людей и рэмеи было недостаточно, чтобы патрулировать границы всей области. Придёт ли враг? Воспользуется ли градоправитель соседнего Митракиса, так и не приславший Ликиру помощь, слабостью Леддны? Странно было думать о людях как о врагах, но отношения между лебайскими городами были далеко не братскими. Кто знает, как теперь всё повернётся...

– Командир, ты как ослиной мочи нюхнул, – хохотнул Стотид, хлопнув его по плечу. – Если б меня дома ждала такая красавица жена, я б сиял что твой панцирь.

Никес усмехнулся и покачал головой.

– Да, ты, пожалуй, прав. Просто место тут дрянное, навевает неприятные мысли.

– Дрянное, ага. Его сиятельная рогатость даже прочесать дворец не дал – так и погорело всё добро, – бывший разбойник скорбно вздохнул. – Смотрю вот и тоже печалюсь... как подумую о тканых золотом коврах, о чеканных серебряных чашах...

– Ты теперь в страже Леддны.

– Ещё пока нет, – ухмыльнулся Стотид.

Никес закатил глаза в ответ на привычную шутку. Его товарищ уже согласился пойти к нему на службу, и вопрос был в общем-то решён. Сегодня они даже собирались отпраздновать новое назначение. Никес предпочёл бы просто пропустить пару кружек пива, благо таверну горожане восстановили одной из первых – ещё бы, такое во всех смыслах нужное заведение. Но Клийя настояла на том, чтобы лично накормить ужином одного из своих спасителей, друга своего мужа. Не то чтобы Никес стеснялся Стотида, но не хотел вызывать у жены неприятных ассоциаций с наёмниками. Клийя же заявила, что сидеть за одним столом с разбойником, тем более бывшим, ей будет намного приятнее, чем со многими знатными горожанами. На том и порешили.

Когда Никес отдал последние распоряжения стражникам, сменившим его отряд на патрулировании, они со Стотидом отправились на долгожданный ужин, обсуждая последние новости в городе и обмениваясь шутками. Но командир всё никак не мог перестать думать о смутной угрозе в холмах. Не он один знал тайные тропы... Где сейчас те, кто обещал Ликиру помощь?..

Глава 1

В храм Золотой Анирет, разумеется, так и не успела – ни в тот день, ни на следующие – настолько захватила её круговерть дел. Часть её сознания нашёптывала, что это было несправедливо, что не нужно было позволять Мейе отвести туда Нэбмераи, когда царевна не могла присоединиться к ним на этой прогулке. Но не в характере Анирет было нарушать радость других только потому, что сама она эту радость разделить не имела возможности. Разумеется, царевна отпустила их, извинившись, что у неё так и не выдалось минутки. Где-то глубоко внутри в ней начало расти чувство вины перед Таэху. Она ведь обещала, что поможет Нэбмераи привыкнуть к жизни во дворце, а сама с трудом могла выкроить немного времени даже чтобы просто поговорить или поужинать вместе. Пожалуй, в чувствах Мейи была польза. По крайней мере, подруга царевны сумела скрасить одиночество Нэбмераи в столице так, как сама Анирет не могла.

Меж тем первый месяц Сезона Жары подходил к концу. Отец уже сообщил ей, что ладьи будут готовы к отбытию через два дня. Девушка радовалась небольшой передышке, хоть и понимала, что в грядущем путешествии с дядюшкой они будут разговаривать не за жизнь, а о делах, и дайте то Боги, чтобы не каждую минуту. Сегодня Император и Великий Управитель дали ей немного отдохнуть. Анирет понимала, что такой случай представится ей ещё не скоро и торопилась воспользоваться моментом.

Мраморные купальни дворца имели несколько бассейнов и подогреваемых помещений и разделялись на мужскую и женскую половины. Рэмеи – и благородные, и простой народ – относились к чистоте собственного тела с большим вниманием из соображений как религии, так и здоровья. В Таур-Дуат даже крестьяне совершали омовение дважды или трижды в день. В каждом селении имелись свои общественные термы³, а уж в городах – далеко не одни. Дворцовые купальни были довольно посещаемым местом среди вельможных жителей дворца. Здесь иной раз в неформальной обстановке можно было даже провести переговоры, а не только насладиться омовением и поразмыслить в тишине. Разумеется, членам императорской семьи, когда они того желали, предоставлялось полное уединение.

Сегодня Анирет хотела одиночества. Разговоров на всех этих государственных собраниях с неё за минувшие дни хватило, хотя там она в основном слушала, а не говорила. Царевна с наслаждением попарилась в термах, а потом нырнула в бассейн из персикового мрамора и долго плавала от берега к берегу, позволяя прохладной воде унести напряжение. Две молчаливые служанки ждали её с покрывалами, напитками и закусками из сладостей и тонко нарезанных фруктов. Мейа упорхнула куда-то, чтобы распорядиться о косметическом уходе для своей госпожи.

Анирет грациозно вынырнула и поднялась на бортик бассейна. Одна из служанок тотчас же обернула её мягким льняным покрывалом, впитавшим влагу с кожи. Девушка потянулась и зажмурилась от удовольствия. Её мышцы расслабились и разум успокоился. Ей нравилось ощущение прохладного мрамора под босыми ступнями и тёплое прикосновение к коже ветерка из окон. Открыв глаза, она огляделась и чуть улыбнулась, любясь. Стены купальни были украшены изразцами⁴ с лотосами и росписями, изображавшими охоту камышовых котов за выпархивающими из зарослей у заводей стаями птиц. Купальню окружали изящные резные колонны в виде связок бумажного тростника⁵. Здесь царило умиротворение, точно в небольшом святилище.

---

³ Термы – бани в античности.

⁴ Изразец – плитка из обожжённой глины, покрытая с лицевой стороны глазурью.

⁵ Бумажный тростник, или бумажная осока, – папирус.

Царевна легла на живот на устланную покрывалами кушетку. Одна из служанок принялась втирать в её кожу благовония с тонким приятным ароматом, навевавшим дразнящие мысли о дальних краях, откуда привозили ингредиенты для драгоценных умащиваний. Анирет нежилась под искусными прикосновениями женщины, массировавшей её уставшие плечи и спину. Вторая служанка втирала масла в её ступни и обновляла краску на ногтях. А вот к волосам царевны допускалась только Мейя.

– Вы просто волшебницы, – промурлыкала царевна. – Благодарю вас.

– Всё для тебя, госпожа, – ответила первая.

– Поддерживать твою красоту – в удовольствие нам, – не без гордости отозвалась вторая.

Служить лично Эмхет любой рэмеи считал очень почётной обязанностью. Однажды краем уха царевна услышала, как служанки обсуждали, будто в этом есть что-то жреческое – почти как заботиться о статуях Божеств. Утверждение было, конечно, спорным, но Анирет тогда предпочла не заострять на этом внимание. Мейя тоже иной раз любила блеснуть при дворе высотой своего положения – мол, не абы кому служит, а дочери самого Императора. Но дружили девушки совершенно искренне, хотя при этом свои обязанности Мейя выполняла безукоризненно, чем тоже чрезвычайно гордилась.

Когда служанки закончили массаж, Анирет позволила себе задремать, совсем ненадолго...

Она лежала не в дворцовой купальне, а на берегу священного озера Обители Таэху. Она слышала шелест ветвей и далёкие голоса, чувствовала кожей лёгкий ветерок и пробивавшиеся сквозь листву солнечные лучи. На душе её было легко и радостно, ведь она вернулась Домой. Не осталось совсем никаких тревог и забот – всё, что тяготило её, стало не более чем сном. Заслышав приближающиеся шаги, она чуть улыбнулась, медля открывать глаза, потому что и так знала, кто шёл к ней.

– Анирет? – голос был знакомый, но не тот, который она ожидала услышать.

Царевна вздрогнула и очнулась, сбрасывая сладкое оцепенение сна. Вокруг была всё та же купальня. Девушка перевернулась на бок.

– Извини, не хотела тебя испугать, – улыбнулась Мейя, подходя. – Я принесла твою одежду и украшения. Всё как ты велела.

– Спасибо, – Анирет улыбнулась в ответ и посмотрела на стены и потолок, убеждаясь, что видение было только видением.

И почему только ей вдруг приснилась Обитель? Она даже не думала об этом. Возможно, потому, что там она и правда отдыхала душой?

– Выглядишь прекрасной и посвежевшей, – искренне сказала Мейя, раскладывая ослепительной белизны калазирис⁶ из тончайшего льна, алый с золотом пояс и украшения. – Всё же отдых очень важен для женщины, а иначе всю красоту можно растерять.

– Я предпочитаю не думать об отдыхе, чтобы не тосковать, – усмехнулась Анирет, садясь и потягиваясь. – Но Ренэфу придётся ещё тяжелее, когда он вернётся и сразу же должен будет приступить к обучению. Ох, хотела бы я знать, как он там... Вести доходят слишком медленно.

– Уверена, что с ним всё в порядке, – сказала Мейя, помогая царевне облачиться, а потом принялась расчёсывать её влажные после купания волосы, чтобы после собрать их в ритуальную причёску. – Не могут же Боги лишить нас и второго царевича!

– Я верю, что Ваэссир и Аусетаар хранят его и подарят ему удачу в бою.

– Твой брат, может, и зазнайка, а всё же кое-чего стоит. Это задание ему вполне по силам.

---

⁶ Калазирис – слово греческого происхождения, относящееся к традиционной женской одежде Древнего Египта. Используется чаще в научно-популярной литературе, в научной называется просто платьем или одеянием. В ранние периоды был распространён более простой вид этого одеяния – платье с широкими бретелями, прикрывавшими (а иногда и не до конца прикрывавшими) груди. В более поздние периоды наряды стали усложняться накладками, драпировками и плиссировками.

Анирет кивнула. Она очень хотела, чтобы Ренэф поскорее вернулся: не потому что скучала по нему, а просто чтобы знать, что с ним всё хорошо. Возможно, дело было ещё и в чувстве вины. Как она скажет брату однажды, что всё это время знала, кого выбрал отец? Хотя, в общем-то, не её это было право, сообщать Ренэфу такую весть, а Императора. Это станет для царевича ударом, который девушка не представляла как смягчить. Их отношения были прохладными, но, зная Ренэфа, девушка понимала: после таких известий с него станется и вовсе возненавидеть её. От этой мысли Анирет сделалось не по себе. Наверное, и мать её тоже возненавидит... или, может быть, всё же будет гордиться хоть немного?

– Что с тобой? – спросила Мейа. – Ты вся как одеревенела.

– Просто... мысли тяжёлые, – ответила царевна, расправляя поникшие плечи. – Расскажи лучше, как у вас с боевым жрецом? Он стал более благосклонен?

– О... – поскольку Мейа была занята причёской Анирет, та не видела её лица, но по голосу слышала, что подруга заговорщически улыбнулась. – Кто может противостоять энергии Золотой? Поход в храм принёс свои плоды.

– Что, прямо-таки плоды? – восхитилась Анирет. – Как много я пропустила!

– Нет, пока немного. Я позволила себе короткий поцелуй, а он задержал меня и укрепил этот случайный жест, скажем так. Прямо в рощах под сикоморами Госпожи Бирюзы, – Мейа усмехнулась. – Я бы, конечно, не ограничилась только поцелуями, но придётся подождать.

– Тебе понравилось?

– Ммм... многообещающе.

– Выходит, он не так сдержан, как кажется, – царевна тихо рассмеялась. – Ты была права.

– Теперь я не могу перестать думать о том, что ещё за тайны скрываются за фасадом этого храма, – вкрадчиво добавила Мейа и вздохнула. – Красивые чувственные губы. Да-да, не удивляйся, вблизи он даже немного красив. И такие руки... до сих пор дрожь берёт. Никогда не умела ждать!

– Однако ты всегда дожидалась нужных моментов.

– Да, внешне я терпелива. А так – нет.

– Ну, может быть, в ходе путешествия...

– Надеюсь на то. В одну из ночей, когда ладьи причалят к берегу, мы прогуляемся в заросли и...

– Главное, чтоб вас крокодилы не съели, – подначила её Анирет. – Они, видишь ли, тоже любят отдыхать в зарослях у заводей Апет.

Подруги рассмеялись. Потом Мейа рассказывала о прогулках по столице и кратком свидании в роще храма Хэру-Хазэят, а Анирет размышляла о том, как обернётся эта история для них всех в дальнейшем. За разговорами подошло время идти в святилище.

По всей Империи было заведено, что простой народ в храмы допускался ограниченно. Для общих молитв были отведены специальные молельные дворы, для медитаций – колонные залы. Только жрецы имели право входа во внутренние святилища, и лишь избранные среди жрецов – в самое сердце храма, туда, где в священных одухотворённых изображениях-статуях было сокрыто дыхание Богов. Эльфы презрительно называли рэмеи идолопоклонниками, заявляя, что те слишком много времени проводят в молитвах своим многочисленным статуям. Впрочем, и сами обитатели Данваэннона тоже не гнушались изображать своих Божеств, поскольку ценили красоту во всём, но обычно изображения эти служили не для молитв, а просто для услаждения взора.

Вот только рэмеи молились не статуям, а энергиям, в эти статуи заключённым. Да и не каждый камень мог стать вместилищем дыхания Богов. Прежде над изображениями следовало провести целую череду ритуалов, будь то маленькая домашняя алтарная статуэтка или огром-

ное изображение в наосе⁷ столичного храма. Когда изображение освящалось, часть силы Божества входила в него, и присутствие становилось ощутимо. Ни одному изваянию, ни одному жрецу не под силу было вместить в себя Силу столь великую и явление столь многообразное. Таковым было связующее звено, отражение части энергий на земном плане бытия.

Ваэссир был единственным Божеством, чьи статуи располагались не только в святилищах, но по всей Империи. Сидящие колоссы охраняли врата каждого храма, вибрируя мощью защищающей энергии. На некоторых из них были нанесены имена вполне конкретных Владык, пожелавших запечатлеть себя в веках таким образом, но и они были изображены во вполне определённый миг – в тот, когда они воплощали Силу своего предка на земле. Глазами потомков первый Эмхет взирал на возлюбленную землю, ради которой когда-то отказался от своего совершенного существования. Единственный из Богов, Он был прикован к земле, растворён в ней, и биение её сердца было Его жизнью. Если однажды сгинула бы земля и Его дети, в чьих жилах пела Его золотая кровь, сам Ваэссир канул бы в небытие, несмотря на всю Свою мощь. Но пока Таур-Дуат процветала, и царил на ней Божественный Закон, жива была и Сила первого Эмхет.

Как и все Эмхет, Анирет была жрицей, просто не из тех, кто всегда жил при храме. Все члены императорской семьи проходили обучение ритуальной работе в той или иной степени – такова была одна из их основных Задач. Это касалось и Эмхет из побочных ветвей – тех, в ком проявлялась кровь божественного предка. Разумеется, Ваэссиру служили не только Эмхет. Его культ был одним из самых процветающих. Ему были посвящены многие храмы по всей Таур-Дуат, и поддерживали эти храмы десятки жрецов. Верховным Жрецом Ваэссира был Император, и поворотные ритуалы, от которых зависело гармоничное течение энергий по всей рэмейской земле, исполнял именно он, проводник Силы предка. В остальном же работой при храмах руководили те, кто носил, в отличие от прочих культов, титул не Верховных, но Первых жрецов. Они и возглавляли местные общины и обладали всеми необходимыми полномочиями.

Иногда дядюшка Хатепер подшучивал, что когда государственные дела окончательно заставят его рога закрутиться в обратную сторону, он уйдёт на покой в один из храмов, и даже сам Ваэссир его оттуда не выкурит. Правда, Анирет была уверена, что это невозможно. Отец во многом полагался на своего брата, и сама она, став Императрицей, тоже будет полагаться на дядю, если он переживёт отца. Иного просто и быть не могло.

Обо всём этом размышляла Анирет, пока жрецы вели её в святилище – иными путями, чем в храм проходили простые посетители. Царевна была облачена в плиссированный калазирис из тончайшего льна и палантин, наброшенный на плечи. Одежды её были белыми, поскольку она пришла вершить ритуал. Её волосы были тщательно заплетены во множество косичек, украшенных на концах резными золотыми бусинами, а лоб венчала изящная диадема с коброй-защитницей – знак высокого положения девушки. Несколько перстней-печатей с магическими формулами, тяжёлые широкие браслеты на запястьях и выше локтя и ожерелье-оплечье из нескольких рядов каменных бусин в форме священных знаков служили ей украшениями. Там, где она проходила, за ней оставался шлейф тонкого аромата драгоценных благовоний.

Войти в святилище Ваэссира было фактически равнозначно приходу на приём к Владыке, и даже более того. Анирет надела лучшее, что у неё было, как раз по такому случаю, и ни одно из её украшений не было *просто* украшением – то были амулеты, напоённые Силой.

Когда Анирет переступила порог входа в святилище, жрецы покинули её и закрыли за ней резные двери. Девушка осталась одна в таинственном полумраке, подсвеченном золоти-

---

⁷ Наос – этот термин греческого происхождения имеет несколько значений: алтарная часть храма, либо небольшое святилище, либо деревянный ящик, в котором хранились освящённые реликвии или статуэтки. В данном случае имеется в виду закрывающаяся ниша для статуи Божества.

стыми огнями светильников. Впереди, на возвышении, в каменном наосе, портал которого напоминал уменьшенную копию дворцовых врат, восседал на своём каменном троне Ваэссир Эмхет. Пламя играло в его золотых глазах, мистически мерцавших. Тени обрисовывали его прекрасные величественные черты – орлиный нос и резко очерченные полные губы, высокие скулы и благородный лоб. Его сильные руки, украшенные широкими золочёными браслетами, сжимали знаки власти – Жезл и Плеть, скрещенные на груди. На плечах лежало массивное ожерелье. Рисунок могучих мышц был настолько естественным, что казалось даже странным, почему же грудь не вздымалась от дыхания. Его бёдра были обёрнуты драпированной схенти⁸, и по широкому поясу шли высеченные в камне священные знаки формул воззваний. Голову венчал знаменитый Двойной Венец Таур-Дуат, алый с белым, а на лбу застыл в броске змее-демон-защитник.

Анирет сделала несколько шагов и замерла перед наосом, не решаясь смотреть в лицо своего предка. А когда она подняла голову и всё же поймала взгляд золотых глаз, ей показалось, что Ваэссир чуть улыбнулся. Здесь, в храме, присутствие Его было живым и ощутимым – присутствие, которое царевна так хорошо знала. Таким бывал её отец в мгновения, когда Сила предка открывалась в нём. И часть этой Силы пела в её жилах.

Девушка глубоко поклонилась и прочла ритуальное приветствие. Взяв с жертвенного столика систр⁹, она привычным движением взмахнула им, очищая пространство шелестящим звоном. Впрочем, пространство и без того было очищено – никто не смел ступить в эту обитель без воли на то её хозяина. На алтаре девушка разложила хлеб и фрукты, откупорила кувшин с прекрасным вином из дворцовых кладовых и наполнила большой кубок. Её губы шептали знакомые с детства молитвы и благословения, а сердце наполнялось радостью искреннего дарения и умиротворением.

Затем Анирет воскурила благовония в двух больших чашах, стоявших у наоса. Дым, танцуя, устремлялся вверх, к небольшим окошкам под потолком, и окутывал живую статую призрачным подвижным покровом. В игре ли воображения или в плывущем воздухе, но ей показалось, что теперь Ваэссир дышал. Ощущение Его присутствия усилилось, и это добавило Анирет уверенности. Звучно, твёрдо она читала воззвание, отгоняя непрошенные мысли о формуле призыва, переданной ей отцом. Она видела, как священный сокол за спиной божественного Владыки распростёр крылья шире, тоже как будто вздыхая.

Анирет была в своём праве. Золотые глаза Ваэссира мягко мерцали, тёплые и зовущие. Девушка приблизилась к Нему и села у Его ног почти у самого трона – так, как, бывало, садилась у ног отца в саду. Тихо она рассказала Ему о своих сомнениях и просила о наставлении на пути. Отчётливо царевна вспомнила вдруг руку отца, ласково погладившую её по волосам. Здесь её любили и принимали. Как же она могла забыть об этом удивительном чувстве? Анирет закрыла глаза, чувствуя, как замерли меж ресниц слёзы благодарности. Сила предка была велика, как Апет во время разлива, непостижима, как звёздный небесный покров, но эта Сила обнимала её с такой заботой и теплом, что всё казалось возможным.

– Как же я сумею познать и постичь всё, что должна? – выдохнула девушка, не открывая глаз. – Как смогу объять собой всю нашу землю и уберечь её?

Словно звякнули друг о друга священные Знаки Власти, отложенные в сторону. Тёплая ладонь легла на её плечо, а потом чуткие пальцы коснулись её лба. Она увидела себя и не себя, и заросшие заброшенные сады, и тело скал, из которых выступали прекрасные галереи, а на

---

⁸ Схенти – опоясание, традиционная одежда мужчин Древнего Египта, характерная своей драпировкой разной степени сложности. Ткань оборачивалась вокруг бёдер и украшалась поясом. Схенти были разной длины – до середины бедра, до колен или даже до щиколоток.

⁹ Сistr – ритуальный музыкальный инструмент, звучание которого создаётся некоторым количеством небольших тонких металлических дисков, закреплённых на прутьях или деревянной основе. При потряхивании диски, соприкасаясь, издают характерное звучание – не вполне звенящее, а, скорее, немного шелестящее.

стенах их были запечатлены сказания о былом. Вдоль колонн стояли статуи, чьи руки были ритуально скрещены, и двойные короны венчали их головы. И лица их были её и не её, и вместе с тем – ликом Ваэссира.

Анирет знала место, которое указал предок. Видение померкло, но знание осталось. В порыве она крепко обняла ноги Владыки, уткнувшись лицом в его колени. Он и правда дышал, и тепло Его было живым, как и приятная умиротворяющая тяжесть Его ладони. Но когда Анирет, спустя некоторое время, поднялась и отступила, перед ней снова была лишь одухотворённая статуя, сжимавшая Знаки Власти. И только улыбка, затаившаяся в уголках губ, и танцующий в инкрустированных алебастром и золотистым хрусталём глазах огонёк напоминали о том, что всё было *по-настоящему*.

Царевна распростёрлась ниц в жесте, полном не унижения, но достоинства и обожания. Не было слов, подходящих для всего того, что переполняло её, но Он и без того знал, что было на сердце у одной из Его дочерей. Точно порыв ветра пронёсся по святилищу, и часть светильников погасла, погружая наос во мрак. Аудиенция была окончена.

Ладья Великого Управителя полностью соответствовала его высокому положению. Огромная, она позволяла вместить в себя и воинов, и свиту. Искусные росписи с защитными символами украшали её борта. Паруса были по краям окрашены в синий и золотой – цвета императорской семьи. Полностью сине-золотые паруса были только у ладьи самого Владыки. Око Ваэссира, окружённое кобрами, было тщательно выписано в центрах полотнищ для отражения всякого зла. На палубе был возведён большой полотняный шатёр для высоких гостей, чтобы путешествие их было приятным, несмотря на дневной зной.

Ладья Хатепера носила имя «Серебряная» – по всей видимости, в честь серебряной ладьи Аусетаар, восходившей ночью. Кто-то, правда, шептался, что это имя имело отношение к прозвищу эльфийской королевы Ллаэрвин Тири Серебряной Песни, но вслух о том говорить не решались. Великий Управитель был слишком уважаемым рэмеи, чтобы его осуждать. Да и, в конце концов, если бы он хотел – мог назвать ладью хоть «Серебряной Песнью», никто бы и слова не сказал.

Ладья поменьше сопровождала первую – более лёгкая и манёвренная, под ало-белыми парусами. Её борта были украшены изображениями кобр – таких же, как на доспехах имперских воинов. Царевна и Великий Управитель путешествовали под надёжной защитой. «Гнев Ваэссира» был одним из самых быстрых рэмейских военных кораблей, а отряды, поднявшиеся на его борт, отбирал лично сам Владыка.

Дворцовая челядь и праздные горожане высыпали на пристань, чтобы посмотреть, как отходили ладьи. Сам Император и царица, к величайшей радости собравшихся, вышли проводить Хатепера и Анирет и благословить их путешествие. Владыка выглядел удовлетворённым, и его спокойная радость наполняла подданных уверенностью.

Солнце ярко сияло над Великой Рекой, отражаясь ослепительными бликами в индиговой глади. Волны мягко ударялись о борта ладей, и паруса трепетали на лёгком ветру.

В последний раз Анирет посмотрела на белокаменную столицу, Город ста врат и ста дорог, утопающий в зелени. Она вскинула руку, прощаясь с подданными. Десятки ликующих голосов провожали её, желая лёгкого и благополучного пути. Подчиняясь командам кормчего, могучие гребцы заработали вёслами, и «Серебряная» заскользила по водам Великой Реки на юг, к верхним сепатам¹⁰.

---

¹⁰ Сепат – область государства в Древнем Египте. Более поздний греческий аналог – номос, ном, означавший «округ» или «область».

Позади осталась Апет-Сут, последние сады и пригородные имения. По обоим берегам потянулись пальмовые рощи, сменявшиеся плодородными полями. Сейчас подходило время собирать урожай. Таур-Дуат щедро вознаграждала свой народ за труды. Последний разлив был обильным и принёс богатые плоды. Рэмеи и люди славили Секенэфа, заботливого хранителя, в руках которого процветала земля.

Замечая ладью с сине-золотыми парусами, крестьяне отрывались от дел и провожали её приветственными возгласами, рыбаки на тростниковых лодках махали вслед. Анирет радостно улыбалась. Богатства родной земли, процветание народа – ради этого жил её род. Пока течение энергий было гармоничным, Великая Река была полна рыбы, рощи – богаты дичью, а житницы ломились от обилия хлебного золота. Защитить, сохранить, приумножить, позаботиться о том, чтобы мужчины и женщины чувствовали себя в безопасности и радовались своим трудам, чтобы дети могли беспечно играть в заводях, чтобы мастера возводили новые прекрасные храмы, чтобы Боги улыбались, любуясь своим творением, сокровищем в оправе песков Каэмит. Из рук Секенэфа ей предстояло принять процветающее государство. Перед ней не стояло задач тех, что стояли когда-то перед отцом – восстановить страну после войны, отладить все прежние процессы, исцелить раны и заново вдохнуть в Империю жизнь. Но Анирет не питала иллюзий. В неумелых руках без должной заботы так легко было погубить всё, что сделано. Империя была цельным живым организмом, но функционировал этот организм не сам по себе, а благодаря многим, соединённым между собой в единую разветвлённую систему – под мудрым управлением чиновников, жрецов и, прежде всего, Императора, опиравшегося на них. Живое бьющееся сердце земли должно было быть сильным и знающим. От здоровья его зависело здоровье и страны, и всех, кто жил здесь. Сейчас, когда мрачные тени сгущались на горизонте, а равновесие хоть и не пошатнулось пока, но дрогнуло, совершить неверный шаг было слишком легко. Анирет действительно не знала, что делать, но ей и не нужно было, потому что были отец и мать, был дядя и были все верные им мудрые мужчины и женщины, служившие общему благу. Тяжесть принятия решений не лежала на ней – пока не лежала. Она должна была лишь со всем возможным усердием перенять их опыт. А пока можно было радоваться богатствам Империи, плодам трудов правителей, которые она сейчас видела перед собой.

Детали путешествия уже были оговорены. Анирет спокойно наблюдала, как ладьи изменили курс и стали причаливать к небольшой пристани. По берегу у воды раскинулись буйные рощи, но за ними виднелись красноватые скалы некрополей и далёкие силуэты храмов. К одному из из тех храмов и лежал её путь.

Заслышав и почуяв приближение ладей, утки и ибисы с возмущёнными криками взмыли в воздух из тростниковых зарослей, а гревшиеся в заводи крокодилы поспешили уйти глубже под воду. Под крики кормчего матросы и гребцы искусно выровняли ладью, и работники пристани помогли ей мягко причалить. Высоких гостей уже встречали несколько жрецов и сам почтенный Кеваб из вельможного рода Руйи, управитель сепата Сутджа, к которому относилась столица. В обязанности Кеваба, в частности, входила и забота об императорских некрополях, раскинувшихся на много миль в окрестностях Апет-Сут. Радушно, в самых цветистых выражениях, он приветствовал прибывших, предлагая брату и дочери Императора разделить с ним трапезу в его имении, в тени плодовых деревьев, но Анирет и Хатепер не спешили принимать любезное предложение. Прежде девушка должна была исполнить то, что наказал ей предок. Дядюшка переговорил с управителем сепата сам, чинно заверив, что они с радостью присоединятся к трапезе вечером и продолжат путь уже завтра. Все церемонии были соблюдены. А потом Хатепер наклонился к чиновнику и тихо объяснил, зачем им нужен был проводник. Глаза Кеваба слегка округлились, и он перевёл взгляд на Анирет. Царевна вежливо улыбнулась, сохранив на лице бесстрастность.

– Нечасто наши гости посещают те места, да и дорога, хоть и мощёная, изрядно заросла, – пробормотал чиновник, а потом хлопнул в ладоши, подзывая к себе какого-то худощавого

юношу-жреца, украдкой разглядывавшего Анирет. – Проведи высочайших гостей кратчайшей дорогой, и смотри, чтоб даже тень неприятностей не коснулась их, Тахири.

Юноша глубоко поклонился.

– Я верно понимаю, что высочайшие желают пройти к храму? – тихо уточнил он.

– К тому храму, да, – нетерпеливо кивнул Кеваб.

– Честь и радость для меня, – молодой жрец улыбнулся, снова поклонившись.

– Тахири вроде как сказитель, – пояснил управитель сепата, обращаясь уже к Хатеперу и Анирет. – Страсть его к истории Владык, воплощающих его Бога, велика, так велика, что он и запретов никаких не боится. Лучшего проводника вам не найти. Даже я сам знаю тропу не так хорошо.

На том они распрощались до вечера. Анирет и Хатепер пошли за Тахири в сопровождении нескольких воинов, в числе которых был и Нэбмераи, официально носивший титул первого стража царевны. Храм лежал ближе, чем некрополи, но и до него было никак не меньше пары часов пути. Управитель сепата поспешил выделить лошадей и повозки, на которых можно было преодолеть часть дороги до храмовых рощ, но дальше лучше было идти пешком.

Когда-то, четыре поколения Владык назад, здесь были ухоженные рощи и сады. Но уже давно эти деревья и кустарники не знали заботы садовников, хотя лишить их воды никто не посмел. Ирригационная система осталась и поддерживалась, но никто не входил в рощи, чтобы подрезать ветви или собирать плоды. Со временем здешние места обросли сомнительной славой, как и всё, что было заброшено. Жители сепата Сутджа считали, что в забытых храмовых рощах обитали недобрые обиженные духи, вызванные проклятием. Долгое время входить сюда было запрещено, а потом большинству уже и не хотелось.

Забвение. Таков был приказ Владыки Тхатимеса Эмхет, известного как Тхатимес Завоеватель – Императора, при котором пределы Таур-Дуат расширились больше, чем когда-либо. Он был известен многими свершениями и прежде всего – усовершенствованием армии, величайшим со времён упадка, один из которых пережила Империя где-то за три поколения до него. И, пожалуй, не менее значимым его поступком было то, что он попытался стереть из истории следы правления Владыки, предшествовавшего ему... точнее, Владычицы. Но разве возможно погрузить в забвение целую эпоху правления, в которую земля процветала? История говорила сама за себя. Тхатимес присвоил часть свершений Владычицы и запретил упоминать её имя. В народе его уже и не употребляли, но роды Эмхет и Таэху помнили, как помнили и жрецы Ваэссира. Владычица не совершала преступлений против Божественного Закона, и потому не могла быть наказана забвением, но что Император сумел сделать законно, то он исполнил. Народ Таур-Дуат более не решался славить имя Владычицы в открытую. На части статуй и обелисков её имя и титулы и вовсе были заменены на имя Тхатимеса. Так поступал не он один. По сути, каждый Владыка являлся воплощением Силы Ваэссира, и, стало быть, деяния одного могли быть приписаны и другому. Власть цариц в Таур-Дуат была велика. Часто они становились регентами при своих родственниках, а иногда в политике решали больше, чем действующий Император. Но случаев, когда женщина принимала в себя Силу Ваэссира и воцарялась на троне, за всю историю рэмейского государства было лишь несколько. И ни одна из них не правила так долго, как Владычица Хатши Эмхет Справедливая. Император Тхатимес и его сторонники распространили слухи, что женщина на троне Таур-Дуат неизбежно принесёт в страну несчастье, поскольку попытка вместить Силу Ваэссира в неподходящий сосуд повлечёт за собой дисбаланс сил. Разумеется, такие теории существовали и задолго до него, но при Тхатимесе пыль веков с них стряхнули и придали им официальный статус. Кто-то из наиболее ретивых его сторонников даже предпринял попытку вскрыть гробницу Владычицы и осквернить, но их жестоко покарал уже сам Император. Каковы бы ни были его отношения с предшественницей, а Закон он чтит и защищал.

Анирет была Эмхет, и потому о предках своих знала. Отец специально подобрал для неё немало свитков эпохи правления Императрицы, ибо если с кого-то ей и следовало брать пример, так это с Хатши. Не просто так Секенэф ещё в одну из самых первых бесед упомянул её имя, а во время ритуала Ваэссир указал Анирет на её храм.

Небольшой отряд пробирался через заросшую рощу по разбитым плитам дороги, сквозь которые пробивались корни и трава. Тахири вёл их наиболее удобными тропами, но кое-где воинам приходилось прорубать путь через переплетавшиеся ветви, чтобы царица и Великий Управитель прошли беспрепятственно.

Ветер шептался в рощах, стеная о похороненных здесь тайнах и незаслуженно нанесённых обидах. Иногда краем глаза можно было заметить мелькавшие среди стволов тени. Но, разумеется, когда Анирет оборачивалась, чтобы рассмотреть их внимательнее, её взгляд выхватывал только деревья. Игра лучей и игра воображения, если не знать о Местах Силы больше. А всякий храм был построен на Месте Силы, и этот не был исключением.

Анирет не чувствовала опасности для себя, но ощущала, как земля погрузилась в неизбывную печаль. Неудивительно, что сюда мало кто любил приходить. Девушку защищала родная кровь – она была прямой наследницей Хатши и Тхатимеса, – но другие ведь не были Эмхет. Оставалось только восхищаться смелостью Тахири, который приходил к храму, похоже, очень любил и бережно хранил сказания о Владычице.

Украдкой Анирет смотрела на дядю. Хатепер был спокоен и собран и шёл с достоинством, не показывая ни усталости, ни озабоченности. Узнав, где царица хотела сделать первую остановку, он всячески поддержал её и вызвался сопровождать. Поймав взгляд племянницы, Хатепер ободряюще улыбнулся ей.

Тахири меж тем вывел их на широкую тропу под сенью ветвей, вдоль которой среди зарослей выступали обломки статуй из розового гранита.

– Аллея сфинксов, – выдохнула царица чуть слышно, подходя к одному из изваяний.

Сфинксы считались посланниками Амна и были одним из Его зримых обликов. Изображались они, как правило, с лицом Ваэссира как прямого проводника Божественного Закона на земле или с лицами Владык, правивших во время возведения того или иного храма. Анирет опустилась на колени и ладонью расчистила от травы и земли разбитое лицо статуи, голова которой была как будто отсечена и лежала в паре шагов от постамента. Сквозь века на неё смотрело благородное лицо, женственное и утончённое. Не оставалось сомнений, *чей* облик имели эти сфинксы, хоть знаки с именем и были сбиты с постаментов. Изуродовать изображение означало лишить силы того, кому изображение принадлежало.

– Мы почти пришли, – возвестил молодой жрец и почтительно осведомился: – Высочайшие гости позволят мне произносить имена открыто?

– Разумеется. Мы не забыли нашу историю, – ответил Хатепер.

– Мы пришли сюда, чтобы почтить память, – добавила Анирет, поднимаясь, и кивнула на подношения, которые несли воины.

Лицо Тахири просветлело, а взгляд сделался мечтательным, пронзающим невидимые дальние пределы, как бывает у музыкантов и сказителей, когда они погружаются в пространство своих историй.

– Тогда позвольте, я поведаю вам...

Он сделал несколько шагов по разбитым плитам дороги, раздвинул ветви... Ослепительный солнечный свет брызнул в тень рощи, отражаясь от белых камней тропы, заставляя искриться вкрапления слюды в обломках гранита.

– Странники Владыки Тхатимеса разрушили аллею на подступах к храму, – торжественно и скорбно произнёс Тахири. – Они разбили статуи на первой террасе, а большую часть их сбросили в Великую Реку. Но завоевать сам храм они так и не смогли. Священная оби-

тель Справедливой по-прежнему возвышается над временем, защищённая Богами... и великой любовью.

У Анирет захватило дух от величия открывшегося перед ней зрелища. Её воображение дорисовало аллею сфинксов и ухоженный сад вместо одичавших рощ, подступавший к широкому каменному пандусу. Внутренним взором она видела торжественную священную процессию, шествовавшую от давным-давно разрушенных врат через священную рощу, через аллею сфинксов и вверх по наклонной каменной тропе.

Храм, вырубленный в теле известняковых скал, состоял из трёх огромных террас, располагавшихся одна над другой. На каждой террасе по обе стороны от пандуса находились открытые двory, упиравшиеся в крытые помещения с портиками. За колоннами прятались святилища, уходившие в толщу скал. Пандусы соединяли все три уровня храма. Вдоль колонн выстроились величественные погребальные изображения Ваэссира в высоких венцах, с Жезлами и Плетями в их скрещённых руках. Почти все изображения на первом уровне были сбиты, как и сказал Тахири, но вторая и третья терраса остались нетронутыми. Амбары и жилища жрецов вокруг храма давно пришли в запустение. И сейчас не длинная процессия, а лишь маленькая группа гостей совершала восхождение по забытому пути.

– Сами Боги отразили её образ на лице скал над храмом, – сказал Тахири и вскинул руку, указывая на верхние террасы и на скалы над ними. – Посмотрите! Отсюда видно очень хорошо.

Анирет прищурилась, проследив, куда он указывал. Рельеф скал был неоднородным и при долгом рассмотрении складывался в причудливые очертания. Возможно, это было лишь игрой воображения или танцем лучей на камнях... но она вдруг действительно сумела различить силуэт коленопреклоненной женщины в длинном калазирисе и клафте¹¹, простиравшей руки вперёд, точно совершая подношение невидимым Богам.

– Сенастар, носивший титул Великого Управителя во время правления Хатши Эмхет Справедливой, не на жизнь, а на смерть защищал храм и сокрытую в его недрах гробницу. Немало его воинов и верных жрецов полегло тогда, прежде чем Владыка отдал приказ отступить и не трогать последнюю обитель Императрицы, – услышала царевна печальный голос Тахири. – Но это были последние жрецы Ваэссира, совершавшие здесь ритуалы... и сам Сенастар, лишённый уже и богатств своих, и титулов, вскоре встретил в храме свои последние дни, когда задача его была исполнена. Здесь же, подле своей Владычицы, он был упокоен, но прежде наложил на это место проклятие, изгоняющее тех, кто приходит сюда с недостойными помыслами.

Подчинившись порыву, Анирет шагнула вперёд.

– Волей моей сегодня мы пройдем священной процессией и принесем подношения так, как подобает, – сказала она и развернулась к своим воинам. – Великий Управитель Хатепер и царевна Анирет, жрецы Ваэссира, поведут вас сегодня. Пусть в этот день вновь зазвучат слова ритуальных гимнов.

Она натолкнулась на взгляд Нэбмераи, вдруг потеплевший и наполнившийся пониманием.

– Нэбмераи Таэху, посвящённый воин Владычицы Таинств, присовокупляет свою силу к вашей, – сказал он, склоняя голову, и поставил перед собой кувшин с вином, который нес на плече.

С благодарностью она улыбнулась ему.

– Да будет так, – подтвердил Хатепер. – Веди нас, царевна.

---

¹¹ Клафт – полосатый головной плат. Сине-золотой клафт, украшенный змеёй-уреем, в Древнем Египте был одним из символов власти египетских фараонов.

Анирет сама выстроила своих воинов в небольшую процессию, которую возглавили Хатепер и Нэбмераи. И пусть сегодня по тропе предстояло подняться лишь маленькой группе, всё должно было пройти так, как следовало.

Царевна встала перед Хатепером и Нэбмераи, лицом к храму, и вскинула руки в жесте приветствия, а потом поклонилась, коснувшись ладонями колен. Остальные повторили её жест и после подхватили подношения – корзину с хлебом и фруктами, кувшин с вином и немного благовоний. Анирет глубоко вздохнула и запела, взывая к Богам, моля их обратить свой взор на храм, который не должен был быть забыт. И когда она сделала первые несколько шагов по камням уходящей вверх тропы, девушка почувствовала, что плиты как будто ответили приглушённой вибрацией.

Голос царевны зазвучал сильнее, к нему присоединились глубокие низкие голоса Хатепера и Нэбмераи и неуверенный поначалу хор воинов, повторявших последние строки гимнов. Это подхватывало песнь, отражая её от стен храма, давно не слышавшего ни гимнов Богам, ни прославления таланта зодчего, этот храм сотворившего, ни восхищения Владычицей, которую воспевало сие творение. Песнь захватывала ярус за ярусом, ступень за ступенью, пробуждая священное присутствие в древних стенах, пока каждый камень здесь не вспомнил, зачем и во имя чего был уложен, и каждая колонна и плита не завибрировали скрытой силой. Маленькая процессия остановилась лишь у сокрытых дверей в сердце верхнего святилища, чтобы зажечь огонь, воскурить благовония и оставить там подношения. К тому времени свет памяти уже прокатился по каждому помещению, и, казалось, даже краски на рельефах и статуях засияли ярче.

Украдкой Анирет посмотрела на Тахири, который гармонично влился в процессию и пел гимны Ваэссиру, вплетая в них прославление Владычице. Его звонкий голос звучал твёрдо, глаза сияли, а по лицу катились слёзы.

Когда их небольшой ритуал завершился, царевна вышла на верхнюю террасу и вдохнула полной грудью, чувствуя, как пробудилась спавшая здесь несколько веков энергия. Она уже знала, что эту ночь хотела провести здесь, в храме, пусть даже жилища жрецов и были уже давно заброшены и плохо подходили для обитания. Девушка шла по колонной галерее, разглядывая рельефы, на которых Владычица, изображённая как Император-мужчина, совершала подношения Богам. На других рельефах оживали картины её жизни и её свершений. Она несла в Таур-Дуат процветание. Она примиряла народы. Она была единственной, кто сумел совершить экспедицию в далёкие джунгли за сепатом Нэбу и примирить рэмеи с тамошними обитателями, а затем вернуться с щедрыми, невиданными до той поры дарами. Священная роща перед храмом была символом этой гармонии и дружбы – многие растения были привезены из тех дальних земель и посажены рядом с растениями Таур-Дуат.

Анирет остановилась перед одной из статуй у колонн, похожей на прочие. Как и показал ей Ваэссир в видении, эти статуи имели и его лик, и лик Владычицы Хатши, запечатлённый мастерами в камне. И чем дольше смотрела царевна в лицо статуи, таинственно ей улыбающееся, тем больше ей начинало казаться, что она смотрела в глаза своего отражения. Потом статуя завибрировала и пошатнулась. Анирет охнула и отскочила, но то было лишь видением. Подчинившись порыву, девушка подошла к статуе и обняла её, прижавшись лбом к горячему камню. Её разум раскрылся многочисленным ярким видениям, как случалось иногда в ходе ритуалов. Образы сменяли друг друга слишком быстро, чтобы она успела поймать ответ, и всё же кое-что царевна уловила. Медленно, как во сне, она побрела вниз по тропе, а потом в одно из глубинных святилищ, к сокрытым в самом сердце храма гробницам. Она уже знала, что на нижних уровнях были похоронены верные жрецы и воины, но её призывали хозяйка и зодчий.

У небольших запечатанных дверей Анирет остановилась и положила ладони на створы. Это было единственное место, где Сенастар позволил себе запечатлеть их с Владычицей вместе. Здесь Хатши была изображена такой, какой он видел её, – прекрасной сияющей женщиной,

Богиней, которой он поклонялся. Весь этот храм, спроектированный его творческим гением, воздвигнутый его фантазией и руками лучших мастеров, был памятником его любви к Владычице. Памятником... воплощённой памятью. Анирет чуть улыбнулась, чувствуя, как подступают непрошеные слёзы. Её переполняли чувства, для которых не было слов. Она коснулась соединённых ладоней Владычицы и Великого Управителя, которого Императрица никогда так и не смогла назвать своим супругом. Здесь, в своей последней обители, они были вместе. Царевна верила, что Ануи, справедливый Судия, даровал им единение и у Вод Перерождения, ведь разве могло быть иначе? Разве могла кануть в памяти веков такая любовь?

Услышав шаги за спиной, Анирет не обернулась. Ей было всё равно, кто пришёл сюда вместе с ней. В тишине этот кто-то тоже прошёл к дверям и положил ладонь на створы чуть в стороне от её руки.

– Сенастар был рождён человеком, – тихо проговорил Нэбмераи, – и он был одним из самых талантливых зодчих нашей земли. Его род был ни беден, ни возвышен. Кто мог представить тогда, что он станет опорой Императрицы? Вопреки всему он возвысился, и его уважали как политика. Злые языки говорили, что лишь через ложе Владычицы он добился своего высокого положения, но большинство судили по его деяниям и видели: это было не так.

– Он так и не смог стать ей супругом...

– Не смог. Им бы этого не простили – они оба это понимали. Императрице и так пришлось доказывать, что она была в своём праве. Супруг-человек обрёл бы на гибель их обоих... И всё же именно Сенастар стал её советником, единственным Великим Управителем – человеком.

– При единственной Императрице, правившей столько лет, – Анирет слабо улыбнулась. – Она ведь в итоге провела его через ритуал крови... сделала рэмеи.

– Но никто не забыл его происхождения. И всё же таланты его зачаровывали умы, затмевали все противоречия. Народ чтит его, а этот храм по праву стал одной из самых драгоценных жемчужин зодчества Таур-Дуат.

– Забытая жемчужина в оправе из зарослей и камней... Они не заслужили забвения, Нэбмераи.

– Мы не забыли их, – веско возразил Таэху. – И вы не забыли.

Они встретились взглядами.

– Тебе странно находиться здесь? – прямо спросила Анирет. – Я должна повторить путь Владычицы Хатши. Но ты – не Сенастар, и соединяют нас совсем иные... условия.

– Я помню, – мягко ответил Нэбмераи и чуть подался вперёд, оказавшись вдруг очень близко. – Но именно я буду подниматься с тобой на императорскую ладью во время Ритуала Разлива. Я буду проводником Богов для тебя, когда придёт время призвать душу в новое тело – тело наследника. И я буду напоминать тебе о том, какой ты хочешь быть...

Анирет почувствовала, как кровь прилила к лицу. Она видела каждую его чёрточку и даже своё отражение в глубине его глаз, тёмно-синих, как воды Великой Реки. Его резко очерченные губы тронула улыбка. Она ощутила его ладонь на своей, поверх соединённых рук Хатши и Сенастара на рельефе.

– Чтобы стать всем этим для Владычицы, я должен любить её, – шёпот Нэбмераи был не громче его дыхания, обжигавшего её кожу, и вместе с тем отдавался рокотом крови в её висках. – Да, мне странно находиться здесь... но не более странно, чем тебе самой.

Спустя несколько томительных мгновений он отнял ладонь и ушёл, а девушка осталась одна у дверей в гробницу. Она села, прислонившись спиной к створкам, обняла себя за колени и откинула голову, закрывая глаза. Сердце гулко стучало о рёбра. Ему было тесно и так больно от непонятной невыразимой тоски. Анирет судорожно вздохнула, наполненная чувствами, которые не могла вместить в себя и не знала, как выплеснуть.

Так её и нашёл дядюшка Хатепер. Ни о чём не спрашивая, он просто сел рядом с ней и обнял. Анирет уткнулась в его плечо, и он гладил её по волосам своей горячей родной ладонью, понимая всё лучше, чем она сама.

– Я должна буду стать, как она... могучей, непогрешимой, прекрасной... А потом меня тоже обрекут на забвение, да? – прошептала царевна.

– Нет, моя звёздочка. Что когда-либо было любимым, не может умереть в памяти.

– Но у меня...

«... у меня рядом не будет Сенастара... и никто не запечатлеет в вечности камня ни свершения мои, ни любовь...»

Анирет не сумела произнести это вслух, но Хатепер понимал и так. Нежно он поцеловал девушку между рогами. В тишине и полумраке святилища он в полголоса напевал ей любимый, знакомый с детства мотив. Она уже плохо помнила слова – только образы, прокрадывавшиеся потом в её сны.

*Не плачь, ясная звёздочка,
Из зеркала вод я выловлю тебе серебряную лодочку,
И застелю её лепестками лотосов, растущих в заводях дворца.
Ночь понесёт твою лодочку на восток,
Туда, где восходит солнечное судно,
Где Богиня влетёт золотые нити в твои волосы,
Пока я буду ждать тебя на берегу...*

Глава 2

На вечернюю трапезу к управителю сепата Сутджа Хатепер отправился один – только чтобы соблюсти этикет. Он знал, что Анирет нужно побыть в заброшенном храме ещё хотя бы немного, и распорядился о том, чтобы для ночёвки ей, Нэбмераи и паре оставшихся с ними воинов доставили тёплые одеяла и что-то из еды.

Тахири тоже остался с царевной. Поначалу робея, он всё же набрался смелости и расспросил царевну, какие сведения род Эмхет сумел сохранить о его любимой Владычице, память о которой он так тщательно старался уберечь от жадного времени. В свой черёд жрец рассказывал то, что знал сам, и делился своими размышлениями.

Анирет хорошо знала историю своего рода и могла рассказать жизнеописания Владык если не любого периода, то уж точно – самых значимых. О Хатши она читала в последнее время очень много, восхищаясь и вдохновляясь её мудрой политикой и великими свершениями. Императрица не прославилась завоеваниями, в отличие от своего наследника, – только подавила восстания в воинственном сепате Нэбу. Но на этом её труды на юге континента не окончились. Она организовала несколько экспедиций в земли, которые многие, даже эльфы, считали не более чем легендой. Благодаря её стараниям юг наконец-то стал единым, и многовековые распри закончились, когда единым осознал себя и сам рэмейский народ.

Исторически в Таур-Дуат сложилось так, что каждый сепат был по-своему самобытен. Управители сепатов ревностно хранили свои земли целыми «династиями»¹² древних родов, корни которых уходили ко времени Первых Договоров¹³ или хотя бы ко времени воссоединения Верхней и Нижней земель. Царица Амахисат и сама происходила из такой «династии». История знала смутные времена, когда власть Императоров ослабевала, оставалась номинальной, и некоторые управители сепатов создавали целые небольшие автономные государства. Ну а сепат Нэбу долгое время вообще был обособленным государством со своим отдельным путём развития. Дорога к объединению была чрезвычайно долгой и сложной.

Раскол Империи пугал даже больше, чем война с Данваэнноном. Народ рэмеи, при всём многообразии их культуры, должен был оставаться единым. Только так божественный Закон мог царить на земле.

Как бы там ни было, заслуга Хатши состояла в том, что именно благодаря ей Нэбу окончательно вошёл в состав Империи, а о легендарной земле Пернечери, лежавшей на самом юге континента, за непроходимыми джунглями, перестали говорить как о чём-то сказочном и недостижимом. Лучшие благовония для храмов доставлялись оттуда, как и драгоценная кость, и самоцветы, и лекарственные растения, и экзотические животные, которых так полюбили жители Империи.

Анирет не могла не восхищаться своей великолепной предшественницей и хотела бы походить на неё, но различий между ними имелось немало. Хатши была старшей дочерью Императора Кааэнра, наследницей по рождению, и воспитывалась соответствующе. Единственный сын Владыки умер ещё во младенчестве, а вторая дочь выбрала удел жрицы Ваэссира, чему никто не препятствовал.

Отец обучал Хатши так, как Секенэф обучал Хэфера, объяснив ей все премудрости управления, а также ритуального и энергетического взаимодействия с землёй. Ей подыскивали достойного супруга, который должен был вместить в себя Силу Ваэссира, но и только. Именно самой Хатши предстояло заниматься политикой и направлять мужа в том, что она знала. Она

---

¹² В понимании рэмеи, династия в Империи одна – Эмхет. О древних вельможных родах так может быть сказано только фигурально.

¹³ Время Первых Договоров – Эпоха легенд, к которой рэмеи и эльфы относят появление своих рас на земном плане бытия.

была полноценной *наследницей трона*, а не просто царевной. Даже если сравнивать начало их пути, между Хатши и Анирет лежала пропасть. Окружение Императора Кааэнра изначально знало, что Владыка заинтересован прежде всего в продлении собственной прямой линии наследования и потому не станет привлекать побочные ветви без необходимости. А в каком положении была Анирет при живом младшем брате и дяде? Её никто не видел и не слышал и, конечно, не брал в расчёт, и вдруг – принять как будущую Императрицу! Смешно даже подумать.

Отдельной истории заслуживала и личная жизнь Владычицы.

Супругом царевны Хатши стал амбициозный молодой вельможа из побочной ветви рода Эмхет – Тхатимес из рода Хепери¹⁴. В нём ярко проявилась кровь предка, да и при дворе он уже кое-чего добился, а потому во всех отношениях представлял собой достойную наследницы кандидатуру в мужья. Условием его властвования, однако, было всё то же: прямая ветвь Кааэнра, а за ним и Хатши, не должна была прерваться. Эмхет, в отличие от Таэху, не просто так всегда оставались малочисленным родом. Неизвестно, что было страшнее – потеря наследия Ваэссира или война за трон. По той же причине Владыки не производили на свет больше двоих-троих детей. Наличие только одного наследника было чрезвычайно рискованно, но и пускать золотую кровь первого Эмхет по слишком многим руслам представляло угрозу не меньшую.

Как указывали летописи придворных целителей – разумеется, тайные, но доступные императорской семье, – с женским здоровьем у Хатши было непросто. Она совершала регулярные паломничества в храмы Хэру-Хаэйат и Аусетаар, и выносить даже одного ребёнка было для неё настоящим испытанием. Анирет не знала, кому сочувствовала больше, самой Хатши или её дочери Эфарри, которая уже одним фактом своего рождения вызывала столько разочарования вокруг. Её родители и всё их окружение желали сына. Почти так же было и с самой Анирет – Амахисат не нуждалась в дочери...

У Хатши была и вторая дочь, Мерити, – та, которую история запомнила уже как царицу, – но её происхождение было окружено тайнами и домыслами. Сама Анирет склонялась к тому, что слухи были не так уж и беспочвенны, хотя от Эмхет прямой ветви всегда рождались Эмхет, и подвергнуть сомнению наследственность младшей царевны было сложно. Отцом Мерити вполне мог быть фаворит царицы – тот, кто стал Великим Управителем при Императрице и влиятельнейшим из людей того времени, опекун обеих дочерей Хатши – Сенастар, легендарный зодчий. Люди всегда были плодовитее, чем эльфы и даже чем рэмеи. Мудрая природа с лихвой возместила им сравнительно небольшой срок жизни удивительной способностью к выживанию и быстрому обучению. А выживание их обеспечивалось не только высокой приспособляемостью к любым условиям, но и плодовитостью. Во многом по этой причине браки с людьми у рэмеи не только не считались чем-то из ряда вон выходящим, но в некоторых слоях общества даже поощрялись. Быстрая сильная кровь Сенастара была сильнее даже недуга царицы, а возможно, дело было в их удивительной любви. Мерити, говорили, была прекрасна, как богиня, удивительно умна и даже в воинском искусстве не уступала многим мужчинам.

Супружеские клятвы Тхатимеса и Хатши не подразумевали верности, поскольку их брак, как и большинство браков Эмхет, был договорённостью. У царевича, и впоследствии Императора, было немало любовниц. Но одну он выделял среди прочих, и, скорее всего, даже любил – вельможную даму и верную его сподвижницу по имени Ирит. Архивы указывали, что в какой-то момент сам Император Кааэнра, тогда ещё властвовавший, отлучил Ирит от дворца. Причиной было рождение сына, которого она назвала в честь своего возлюбленного – Тхатимес. То был будущий Тхатимес Завоеватель, прямая угроза царствованию линии Кааэнра, маль-

¹⁴ Здесь стоит пояснить, что термин «побочная ветвь» не подразумевает целый дополнительный род Эмхет. Это означает лишь, что кто-то из этого рода когда-то женился на дочери или вышел замуж за сына Императора, которые не наследовали трон, и, соответственно, кровь Эмхет проявилась в ком-то из потомков. Разумеется, проявление крови через поколения считалось большой удачей. Но вместе с тем остальные роды начинали смотреть на такого рэмеи с опаской, а кто-то и с некоторой завистью – за потенциальную возможность возвыситься.

чик, волей Богов и милосердием Императора выживший¹⁵. Эту часть истории проследить было нелегко, потому что она была переписана впоследствии – для большинства подданных, но не для самих Эмхет, – когда Тхатимес Завоеватель занял трон и укрепил свою власть. Говорили, что жрецы и даже сам Кааэнра прозрели великую грядущую судьбу наследника. Вполне вероятно, что так и было, иначе бы мальчик просто не выжил.

Когда Император Кааэнра почил, Тхатимес, его преемник, немало сил и времени посвящал тому, чтобы перехватить у Хатши как можно больше власти. Но действия его не увенчались успехом. Современники описывали Хатши как личность куда более сильную, чем её супруг, и не раз сетовали, что она не родилась мужчиной. Их совместное царствование было недолгим – Тхатимес скончался от странной болезни, подорвавшей его здоровье несмотря даже на Силу Ваэссира, которой, как поговаривали, он просто не умел пользоваться в достаточной степени. Кааэнра передал секреты крови Хатши, а не ему, а Хатши, в свой черёд, мудро прибегла немало знаний. Но при жизни Тхатимесу удалось вновь поднять вопрос наследования, и он объявил своим преемником сына, единственного мужчину в пусть и условно, а всё же – посредством брака – прямой ветви. Хатши не хватило влияния оспорить это решение, но она выставила необычное, хоть и логичное условие: Тхатимес-младший унаследует трон только в том случае, если возьмёт в жёны одну из её дочерей. Сама она выдвинула кандидатуру Мерити, что тоже наводило на мысли, что сделала она это не просто так. Женитьба на близких родственниках не укрепляла, как думали древние предки, а разжижала кровь, делала наследников слабыми. От этой идеи отказались ещё в стародавние времена, когда целители увидели плачевные результаты. Женить Тхатимеса на сестре, пусть и наполовину, было рискованно. Но если Мерити, в отличие от Эфарри, была дочерью не Императора, а фаворита... что ж, царице не откажешь в прозорливости.

Итак, Хатши стала регентом при пасынке, но Сила Ваэссира ему передана так и не была. Царица обнародовала волю своего отца, желавшего передать трон именно ей. Власть и без того была сосредоточена в её руках, рисковать и вступать в новый брак она не желала. При поддержке жрецов Хатши прошла через ритуальную трансформацию. Так умерла царица, уступив место Императору Таур-Дуат. Время её восхождения на трон было отмечено и изменением её последующих изображений. Современники отмечали, что поменялись и характер её, и привычки, и облик. Трансформация не могла не наложить свой отпечаток. Единственный, кто удерживал её от бесповоротного изменения, был Сенастар, самый верный и истовый из её сподвижников.

«Партнёр нужен будет тебе самой, тот, кто сможет заземлять тебя, возвращать, напоминать тебе, кто ты есть в этом воплощении... Очень немногим даже среди нас, Таэху, я бы доверил эту нелёгкую роль», – сказал ей когда-то Джети.

«Чтобы стать всем этим для Владычицы, я должен любить её», – сказал Нэбмераи.

Священный долг. Любовь. *Должен любить.* Нет, этим словам нельзя было стоять рядом.

Наверное, лицо её от таких мыслей изменилось. Тахири, до этого жизнерадостно обсуждавший с ней что-то о том, как Хатши лично обучала Тхатимеса Завоевателя как своего наследника, замолк и насторожился.

– Что случилось, госпожа моя?

Анирет не ответила и посмотрела вниз. Они с жрецом Ваэссира сидели на верхней террасе. На нижней, в колонных галереях, разбил лагерь её небольшой отряд под предводительством Нэбмераи. Впервые за много лет, а может, и десятилетий, эти стены озарил живой огонь. Тьма, долгое время бывшая единоличной повелительницей храма, удивлённо созерцала дерз-

¹⁵ От Эмхет рождаются Эмхет только внутри прямой ветви. При выходе из рода через поколение кровь обычно «размывается», и случаи унаследования Дара Ваэссира уже чрезвычайно редки. При вхождении обратно в род и принятии Силы Ваэссира наследники снова рождаются с чертами Эмхет. Вот почему Тхатимес Завоеватель, сын мужчины из побочной ветви, влившегося обратно в династию, и женщины из другого рода, всё же нёс в себе печать и Дар Ваэссира.

ких гостей, перешёптываясь ветвями заросшей рощи, поскрипывая дверями, которые давно уже никто не решался открывать и закрывать. В тишине, когда смолкали голоса, ночь оживала таинственными призрачными звуками. Камни помнили и мастеров, и жреческие процессии, и битву на центральной тропе.

– Почему тебя так влечёт сюда, Тахири? Многие нашли бы это место жутким.

– А чего же мне бояться здесь, госпожа царица? – Тахири открыто улыбнулся. – Проклятие великого Сенастара касается только тех, кто приходит сюда с враждой или непочтением. А я... я люблю Владычицу. Может, это странно прозвучит для тебя... но служа древнему Владыке Ваэссиру, я вижу именно её образ. Через неё я люблю моего Бога даже нежнее и преданнее.

Анирет не нашлась, что ответить, только восхищённо и удивлённо покачала головой.

– Знаешь, госпожа, ты чем-то так похожа на неё. Для жрецов Ваэссира не все Его дети на одно лицо, о нет. Мы – те, кто познаёт Его всю нашу жизнь, – видим каждую мельчайшую черту и вплетение ручейков другой крови, вливающих в полноводную реку крови Эмхет. Но когда я увидел тебя впервые, это бесконечно изумило меня... – Тахири смущённо запнулся и глубоко поклонился. – Прости, если говорю неподобающе, моя царица.

Девушка успокаивающе коснулась его руки. Сравнение испугало её, но вместе с тем было бесконечно приятным. Правда, по её личному мнению, она этого не заслуживала.

– Знаешь, Тахири, хранитель памяти... это даже приятнее, чем сравнение с собственной матерью. Благодарю тебя – и за эти слова... и за всё, что ты делаешь здесь.

– О, госпожа, это моя благодарность тебе невыразимо велика! Я знал многое о моей Владычице, но драгоценные детали, жемчужины, что ты так щедро рассыпала в ходе наших бесед... – он прижал руки к груди, не зная, как выразить свои эмоции.

Поистине, для жрецов знание было величайшей наградой. Анирет улыбнулась его искренней радости.

– Сохраним эту память вместе.

– Прекрасная великодушная царица, сегодня благодаря тебе я впервые чувствую этот храм так живо. Да, я сохраню память... в том числе и о твоём приходе. Пусть твой предок будет щедр и милостив к тебе. Пусть рядом с тобой будет кто-то, подобный великому Сенастару.

Анирет перевела взгляд на колонны, у которых стояли уцелевшие статуи Императрицы. Она была наследницей Хатши, наследницей Тхатимеса Завоевателя и царицы Мерити... а значит, возможно, и наследницей Сенастара. Но она сомневалась, что сумеет повторить их судьбу.

Она думала о великом Тхатимесе Завоевателе и царице Мерити, которых неожиданно для всех связала любовь, а не только договор. Даже их...

– Позволишь спросить, госпожа царица? Если только не сочтёшь это дерзостью.

– Конечно, спрашивай.

– Твой предок, Владыка Тхатимес Завоеватель, да охранит его Ануи в Своих чертогах... Как думаешь, он ненавидел Императрицу? Поэтому хотел стереть упоминания о ней?

Анирет помолчала, взвешивая.

– Думаю, что не всё так просто, – сказала она, наконец. – Для каждого Владыки наступает на нашей земле свой срок, как и для каждой эпохи в мире. Я думаю, время Владыки Тхатимеса Завоевателя, да хранит его Ануи в Своих чертогах, пришло тогда, когда Императрица решила обучать его как своего преемника. Она прозрела эту вероятность.

– Но в юности она фактически заперла его в храмах.

– А потом сделала своим военачальником. Его рога не были подпилены жрецами Ваэссира¹⁶. Никто не собирался отказывать ему в праве на трон. Но когда ушло время Владычицы...

¹⁶ По традиции Империи, во избежание смуты и недопониманий, те рэмеи из побочных ветвей, в ком проявлялись фамильные черты Эмхет, в детстве, когда у них только прорезались рога, проходили через ритуал в храме Ваэссира: край рога спиливался и заключался в золотой медальон. Таким образом для общества они отделяли себя от правящей семьи. Это касалось не только бастардов, но и представителей знатных родов, в числе предков которых был кто-то из рода Ваэссира. В случаях, когда

возможно, он хотел укрепить права своей семьи. А возможно, и правда верил в проклятие женщины на троне и дисбаланс энергий, – царевна усмехнулась и пожала плечами. – Или же изначально не знал о решении своих фанатичных последователей, поскольку много времени проводил в военных походах.

– Прошу, расскажи о них ещё, госпожа. Я чувствую: несмотря на всё, что я изучал, мой разум точно гладкая скрижаль.

– Что ты хочешь узнать, мой друг?..

Их беседа гармонично потекла дальше. У Тахири было много вопросов. Ночь оживала памятью, воплощённой в словах, и снова, как когда-то, под сводами каменных галерей звучали древние запретные имена.

А когда Анирет наконец отошла ко сну под защитой одного из святилищ, ей снились Владычица, оживлявшая землю, и легендарный зодчий, говоривший с ней о любви сквозь века.

Следующий день не был богат событиями. Анирет присоединилась к дядюшке Хатеперу в гостях у Кебаба, управителя сепата Сутджа. Чиновник на радостях от прибытия высоких гостей устроил несколько пышных трапез. В основном беседа о столичных новостях и событиях в сепате поддерживал Великий Управитель. Царевна больше слушала и к тому же пребывала в глубокой задумчивости, полная впечатлений от посещения храма, ритуала и новых видений и ощущений. Для себя она уже решила, что когда придёт её время, она если не отменит, то смягчит приказ своего предка, Владыки Тхатимеса Завоевателя: вернёт достойную память о Владычице и оживит храм.

Наутро же после спокойного дня Анирет потребовались все её силы, чтобы отправиться с дядюшкой Хатепером в место, которое они также собирались посетить здесь.

Императорские некрополи раскинулись на много миль в красноватых скалах на западном берегу. Ближе к Великой Реке подступали храмы, воздвигнутые теми или иными Владыками, но их последние убежища лежали дальше, вырубленные в камне или защищённые мастабами¹⁷. Много поколений Императоров, цариц, царевичей и царевен оставили свои тела здесь, в этом огромном хранилище памяти о сотнях сотен жизней. Не все Владыки выбирали каменистую долину местом своего упокоения, но именно здесь вот уже много веков было традиционное место погребения – с того самого времени, как была заложена и построена столица Апет-Сут – сердце Империи, объединившее четырнадцать сепатов Севера и Юга и прилежащие земли.

Здесь же, среди императорских некрополей, лежал закрытый Город Мастеров. Такое название было связано скорее с высокой целью, чем с размером этого поселения, которое, собственно, городом из-за небольшой своей площади считаться вряд ли могло. Здесь жила элита зодчих, скульпторов и художников, чьё искусство было столь велико, что лишь они имели право создавать гробницы для императорского рода. Их община была сравнительно невелика и включала в себя самих мастеров и их семьи. Попастъ сюда со стороны было практически невозможно – искусство передавалось от родителей к детям, и лишь самые выдающиеся мастера, чьи кандидатуры были одобрены старейшинами Города и самим Императором, могли стать частью общины. О Городе ходили легенды, равно как и об обитавших там рэмеи и людях. Сам Сенастар, легендарный зодчий, был одним из немногих людей, кого приняли в тамошние мастера. Надолго он в Городе не остался, хотя бесспорно использовал полученные там знания и помощь товарищей, когда проектировал великолепный храм и усыпальницу своей Владычицы.

представитель побочной ветви должен был занять трон, проводился другой ритуал – край рога надставлялся освящённым золотом. Здесь Анирет подчёркивает необычность ситуации – Тхатимеса (Завоевателя) не провели через этот ритуал, стало быть, его действительно изначально рассматривали как наследника.

¹⁷ Мастаба – вид гробницы, распространённый в Древнем Египте в период Раннего и Древнего Царств. По форме мастабы напоминали усечённые пирамиды с наземной и подземной частью. В подземной располагалась усыпальница и несколько помещений, украшенных рельефами, в наземной – молельня.

Но далеко не все мастера Империи мечтали попасть сюда – всё же жизнь в закрытой общине и посвящение своего искусства мёртвым прельщали немногих. Однако значение Города было поистине велико: часть секретов ремесла была известна здесь и только здесь и хранилась как великая тайна, оберегаемая на протяжении веков.

Полностью завершённая и готовая к принятию своего хозяина в положенный срок, гробница Секенэфа лежала в императорском некрополе. Здесь же, рядом, находилась небольшая запечатанная гробница царицы Каис, хотя многих других Владычиц хоронили на другой стороне долины. Отец не собирался расставаться со своей возлюбленной супругой. Странно было думать, что и гробница дядюшки Хатепера, тоже завершённая, находилась здесь, хотя сам он, вполне живой, шёл сейчас рядом с Анирет.

Их путь лежал в другую гробницу, маленькую, незавершённую пока, которую Секенэф повелел вырубить рядом с его и Каис последней обителью. Повелеть Император повелел, но сам так пока и не появлялся здесь – не сумел справиться с горем. Останки Хэфера не удалось вернуть домой, и, возможно, никогда не удастся... Последний приказ – похоронить форму царевича, воссозданную из священной глины из храмов Великого Зодчего, – Владыка пока не отдал. Все они ещё надеялись.

Сам некрополь был не долиной – скорее, несколькими небольшими долинами между множеством невысоких скалистых холмов, в которых и вырубались гробницы. Тропы, проложенные для мастеров, траурных процессий и доставки необходимых материалов, петляли в причудливых узорах рельефа, точно белёсые вены в красноватом теле скал. Входы в усыпальницы надёжно запечатывались, замуровывались и маскировались камнями, чтобы избежать посягательств. Как ни странно и как ни страшно было представить такое, но даже императорские гробницы в тяжёлые времена подвергались разорению, несмотря на наложенные жрецами проклятия и защиту священных шакалов Ануи. Вот почему каста бальзамировщиков создала целую отдельную ветвь своего магического искусства, позволявшую противостоять тёмному колдовству, тревожащему мёртвых, способному даже пробуждать их. Злые языки говорили, что первые тёмные колдуны вышли из жрецов Ануи. Большинство в этом всё же сомневалось. Да, искусство Смерти было уделом служителей Стража Порога, но сам Судия накладывал жёсткие ограничения на своих служителей. Нужно было обладать сознанием действительно искажённым, чтобы не бояться применить дарованное Им искусство против Его же Закона. Впрочем, кто только ни рождался среди рэмеи и людей...

Ладья Амна ярко сияла в лазурном небе над некрополями. Её лучи золотили казавшуюся негостеприимной землю, набрасывали длинные тени холмов на ущелья и тропы. Многим здешний пейзаж показался бы мрачным, унылым, но для Анирет это место было огромным хранилищем памяти её предков, сокровищницей бесценных знаний и предметов ушедших веков. Она бывала здесь не раз, и даже в детстве многоголосый шёпот памяти завораживал её. Для всех Эмхет долина была местом для глубинных медитаций, поисков ответов и постижения мудрости.

Сейчас, в ярких дневных лучах Ладьи Амна, шакалы прятались по своим логовам, и некрополь находился под надзором воинов управителя сепата, жрецов Ануи и чёрных псов, живших при храмах рядом с бальзамировщиками. Анирет и Хатепера, помимо телохранителей, сопровождал один из таких жрецов – мрачный бесстрастный рэмеи в длинных тёмных одеждах. Два поджарых пса, шедшие рядом с ним, на вид казались куда более дружелюбными, чем он сам. Но если уж даже жрецы других культов относились к бальзамировщикам с некоторой опаской и подозрением, что было говорить о простых смертных. Находясь в каждодневном, ежечасном контакте с энергиями Смерти нельзя было сохранить прежним сознание и сердце. А возможно, сказывалось и то, что традиционно бальзамировщиков сторонились, и потому они, в свой черёд, не демонстрировали окружающим излишней открытости.

Более полугодом прошло с тех пор, как погиб Хэфер. Официально использовалась формулировка «бесследно исчез», позволявшая не объявлять траур и не называть имени следующего наследника трона. Гробница царевича была заложена, как и подобает, в день его совершеннолетия, но несколько месяцев назад Император повелел выделить больше мастеров и завершить усыпальницу как можно скорее. Как и все они – все, кто любил Хэфера, – отец желал сохранить память о наследнике. Его имя высекалось глубоко в камне среди молитв Богам и магических формул, должных обеспечить безопасное прохождение его душе через пространство Неведомого. Над его образом на фресках трудились лучшие художники. Лучшие краснодеревщики и ювелиры изготавливали его саркофаг, который пока видел только Хатепер, когда одобрял эскизы и проверял ход работ. Он избавил брата от этой тягостной обязанности, ибо равновесие, к которому за время, минувшее с исчезновением сына, пришёл Секенэф, было слишком хрупким.

В центральном храме Великого Зодчего на острове Хенму жрецы вылепили из священной глины форму – подобие царевича, призванное стать ориентиром для его потерянной души. Обряд захоронения будет проведён по всем правилам. Память о Хэфере останется в веках, и Боги услышат о нём в молитвах его близких.

Эту форму, пока ещё не одухотворённую, сегодня и предстояло увидеть Анирет.

Вход в гробницу Хэфера пока оставался незавершённым, но защитные формулы уже частично были нанесены. У этого входа жрец Ануи совершил размыкающий жест и отпер временную деревянную дверь, через которую пока проходили только мастера и Хатепер во время своих визитов. Сегодня мастеров здесь не было – членам императорской семьи требовалось уединение.

Псы сели по обе стороны от входа, неподвижные, точно базальтовые¹⁸ статуи. Жрец затеплил подвесной светильник и с поклоном передал его Хатеперу. Никто не проронил ни слова. Великий Управитель вошёл под сень гробницы, и царевна последовала за ним. Бальзамировщик остался ждать у порога вместе со своими псами.

Усыпальница была сравнительно небольшой и состояла из двух залов. Здесь царил полумрак, разгоняемый только золотистым огнём светильника, но Анирет уже различала незаконченные пока прекрасные росписи и сложный иероглифический узор священных текстов. Каменный пол был временно покрыт деревянным настилом, чтобы не повредились гладкие плиты, пока здесь работали мастера, а также для облегчения доставки внутрь всего необходимого. Хатепер ускорил шаг и зажёл несколько светильников у стен. Доступ воздуха сюда осуществлялся через сложную систему потайных вентиляционных ходов, а освещение давали не только многочисленные светильники, но и знаменитая по всему континенту система зеркал, улавливающих и отражавших свет так, что в помещении становилось ясно почти как днём, по крайней мере для рэмеи. Когда Великий Управитель закончил со светильниками и обернулся, Анирет ахнула.

Незавершённые рельефы замерцали яркими насыщенными оттенками. Кое-где были лишь наброски, намётки картин, которым скоро предстояло быть запечатлёнными на камне. Потолки уже были закончены – полотно цвета глубокого индиго, украшенное множеством золотистых звёзд. Со стен на царевну смотрели Боги и нэферу, члены императорской семьи... и даже она сама. Вот царица Каис и Император Секенэф держат в любящих руках своего первенца. Вот он овладевает искусством войны и управления, ремёслами, земледелием. Вот обнимает Анирет, помогая ей делать первые шаги. Вот охотится вместе с Ренэфом. Вот совершает первую дипломатическую миссию с дядюшкой Хатепером. Вот гибнет от руки тех, чьи имена не будут запечатлены... и Богиня укрывает его защищающими крыльями, а псы Ануи ведут его к Владыке Вод Перерождения на Суд, который он непременно пройдёт.

---

¹⁸ Базальт – вулканическая горная порода чёрного или чёрно-серого цвета.

Читая историю его ужасающе краткой, не вовремя оборвавшейся жизни по фрескам и наброскам, с изумлением вглядываясь в искусно выполненные портреты родных лиц, Анирет и сама не заметила, как добралась до погребального покоя. Здесь Хэфер, улыбаясь такой знакомой мягкой улыбкой, приносил дары Богам. Здесь Они принимали его, чистого сердцем и сознанием. Посреди покоя высился гранитный саркофаг без крышки, а поверх него, на деревянных перекрытиях, окованный золотыми пластинами, стоял саркофаг кедровый. Крышка была прислонена к дальней стене, пока тоже не завершённая. В ней ещё только угадывались черты царевича.

Нерешительно Анирет посмотрела на дядю, впервые оторвавшись от созерцания фресок. Его лицо отображало смесь светлой печали и глубоко запрятанной боли. Царевна посмотрела на изображение за его спиной – изображение его самого, обучавшего Хэфера. Фрески были исполнены в традиционной манере, символической, и всё же прекрасно передавали сходство. Сейчас это особенно бросалось в глаза.

Приблизившись к царевне, Хатепер обнял её за плечи, и ей стало немного легче. Вместе они подошли к саркофагу и заглянули внутрь. Анирет издала сдавленный возглас и отшатнулась. Дядя поддержал её, помогая устоять на ногах.

Распахнутые золотые глаза смотрели на девушку, и умиротворённая улыбка приветствовала её. На миг ей показалось, что брат, совершенно живой, сейчас поднимется из саркофага, но то была лишь глиняная статуя, выкрашенная искусными художниками и передававшая идеальное сходство. Глаза, в которых плясали огни светильников, были выполнены из чистейшего разноцветного хрусталя и алебаstra. Парик, заплетённый в сложную причёску, увенчанный драгоценной диадемой, подчёркивал впечатление *живости*. Статуя была обёрнута в тонкий ослепительно белый лён, а её руки, скрещенные на груди, были украшены несколькими перстнями-печатками с защитными формулами. Да, душа узнает свою смертную форму, когда увидит, – в этом не оставалось сомнений. По легендам Великий Зодчий в своей ипостаси Матери Живых создал тела смертных из такой же священной глины и одухотворил их. Плоть Хэфера могла быть разрушена и осквернена, но жрецы сделали всё, чтобы замена была сколь возможно достойной.

Анирет до боли стиснула зубы, чувствуя, как по щекам заструились слёзы. Живая рука больше не поможет ей взойти на колесницу и удержать поводья. Живой смех больше не зазвучит для неё, и живой голос не скажет тёплых ободряющих слов. Она больше не услышит его чудесных историй и интересных размышлений, больше не искупается с ним в Великой Реке в сезон Половодья, больше не прогуляется с ним вместе по дворцовому саду, споря о суждениях древних военачальников или цветистых оборотах в новых произведениях столичных поэтов. Но она хотела помнить его живым, хотела увидеть, как он взойдёт на трон. Как же ей не хватало его!

Анирет была не в силах смотреть в мерцающие золотистые глаза статуи и вместе с тем – не в силах отвести взгляд. Прислонившись к дяде, она беззвучно плакала и глотала слёзы, а в отблесках светильников оживали картины на стенах гробницы – Хатепер, обучавший Хэфера, Хэфер, принимавший венец Обеих Земель из рук своего отца, нежная дружба сестры, тепло любви матери. Сила, мудрость и юность, прерванные так несправедливо рано... серп времени в руке предателей, рассекший нить жизни будущего Владыки. Но нить эта была вплетена в истории на фресках, в гимны Богам, в высеченные в камне мольбы о том, чтобы Вечность не отторгла его.

Глава 3

Босые ступни ощущали тепло песка и потрескавшихся плит. Земля ещё не успела отдать весь накопленный за день жар. Ветер шептался между древними гробницами на разные голоса, повторяя звучавшие здесь много веков молитвы поколений жрецов.

«Не бойтесь нисходящей тьмы, скользящей из дальних пределов, ибо ей не под силу поглотить вас. Вы не оставлены, и светочи памяти да горят для вас сквозь века. Мы помним вас. Мы чтим ваши имена и деяния, высеченные на скрижалях вечности... Вы никогда не будете забыты...»

Ветер высушил её слёзы. Бредя вдоль мастаб и заупокойных святилищ, Тэра ласково касалась ладонью стен. Её пальцы с детства помнили рельеф священных письмён и древних портретов на камне, кое-где уже сглаженных безжалостным временем, но всё ещё хранивших прекрасные черты хозяев гробниц. Здесь она чувствовала себя в безопасности. Мёртвые были бесконечно мудрее живых. Их спокойная сила усмирляла любую бурю в сердце.

Тэра знала их имена. Бродя между мастабами, она не раз нашёптывала их и вслух тихо читала о давным-давно отгремевших деяниях обитателей некрополя. К ним ведь уже так давно не приходили близкие, чтобы почтить память. Но для своих потомков они не зря засвидетельствовали всё, что желали передать дальше. Облечённые голосом тела и разума тех, кто навещал древних, наставления их звучали из глубин времени, и тогда оживала их мудрость, и сердце радовалось ей.

В напоённой многоликим шёпотом тишине Тэра слышала чью-то тихую поступь. Иногда зрение её точно расслаивалось, и она видела здесь древних – и жрецов, хранивших некрополь, и потомков, навещавших своих предков. Невидимое присутствие её возлюбленного Бога тоже не ушло из этих мест. Пока были те, кто помнил, пока жрецы берегли угоды мёртвых, Ануи был жив и могуч здесь. Ануи был с ней и теперь, хоть и не стало священного пса, глазами которого Он приглядывал за Тэрой, теплом которого Он согревал её на земле. И всё же она не была одна, не была оставлена... Девушка крепко зажмурилась, но не остановилась – эхо собственной поступи рождало отголоски поступи мягких крепких лап по песку рядом. Как и всегда, патриарх защитил их. Но её собственной силы оказалось недостаточно, чтобы в свой черёд защитить его. Она не успела, она *позволила* этому случиться. Его внутренности были как будто опалены изнутри, и на груди зияла страшная рана, но ей под силу будет восстановить красоту его плоти для вечности. Как жаль, что только для вечности...

Ветер изменился, нежно приласкал её лицо речной прохладой. Тэра открыла глаза. Мастабы кончились. Она дошла до зарослей тамарисков у притока Апет, разделявшего храм и некрополь. Далеко слева остался небольшой крепкий мост, переброшенный через сужающийся поток. Великая Река была такой широкой, что рэмеи почти никогда не строили через неё мостов, кроме как через каналы и узкие протоки. Тэра читала, что эльфы умели возводить мосты из камня, величественные, как целые храмы, украшенные резьбой и статуями. Но их рекам было далеко до могучей полноводной Апет, древней, как сама жизнь на этой земле.

Завернувшись в шерстяную накидку, Тэра села у самой воды, вслушиваясь в погребальную песнь шакалов. Несколько теней выскользнуло из темноты. Щенки устроились рядом с ней, тихие, присмиревшие. Они по-своему чувствовали уход старого вожака и в последние дни почти совсем оставили игры. Девушка рассеянно гладила юных псов и думала о том, что вместе с жизнью друга закончилось что-то и в жизни её собственной. Точно целая маленькая эпоха завершилась. Он был рядом с ней все эти годы с тех самых пор, как помог Перкау найти её, ведь священные животные живут намного дольше обычных. Сам тот день Тэра, разумеется, не помнила, зато помнила, как всю её сознательную жизнь пёс охранял её, делил с ней пищу и приходил на отдых в её комнату после обхода храмовой территории. Она помнила, как зверь

стал вожаком, патриархом на пике своей мощи, и как начала понемногу угасать, подчиняясь течению лет, сила в его теле. Теперь, без возможности просто обнять его, почувствовать под ладонями потускневшую с годами, но всё ещё мягкую шерсть, ей было так одиноко! Но как служительница Ануи она понимала – одиноко было ей, и горько жрецам. Сам же патриарх отправится на Западный Берег к своему Владыке и будет свободен и счастлив, и сила его уже не будет угасать с течением лет.

Вспоминая своего друга и бродя среди гробниц, Тэра не могла не думать и о том, сколько лет на земле осталось ей самой. По годам она была в том возрасте, когда большинство людей создавали семьи, а рэмеи только достигали совершеннолетия. Тело же её словно принадлежало женщине зрелой, всё ещё находящейся на пике силы. Но как долго это продлится? Как скоро на смену зрелости придёт старость, а потом и иссыхание плоти? В их общине говорить об этом было не принято. Ни Перкау, ни другие жрецы и послушники, хранившие её тайну, никогда не отвечали на такие вопросы. Для них она была рэмеи, пусть и выглядела чуть иначе, – всегда была *одной из них*. Но для того, кто увидел её впервые... Нет, думать об этом не было сил. Она даже не решалась вспомнить взгляд Хэфера той ночью, когда покров тайны был сорван. И без этого ей хватало тревог и печалей.

Когда тело пса-патриарха было оставлено в покое подготовки, Перкау собрал своих бальзамировщиков и предупредил о грядущей опасности. Теперь, согласно его наставлениям, их маленькая община в скором времени готовилась перебраться в подземные переходы некрополя. Поколения жрецов охраняли покой мёртвых, но и мёртвые могли защитить жрецов. Сейчас нужда в этом как раз наступила.

Все они понимали, что их размеренная жизнь уже никогда не будет прежней – понимали с тех самых пор, как укрыли в стенах своего храма наследника трона, с тех пор, как по воле Ануи не выдали тайну его присутствия даже самому Владыке Секенэфу и Верховному Жрецу Ануи в Таур-Дуат, мудрому Минкерру. Никто из общины не жалел, что помог Хэферу. Теперь он тоже был одним из них. Но враг прознал обо всём прежде, чем Хэфер вернулся в столицу, и теперь никто не позволит бальзамировщикам этой общины просто отойти в сторону.

Император до сих пор не повелел обыскать храм только лишь потому, что жрецы сами показали его доверенным все тайники, рассказали открыто обо всём... кроме главного. Владыка поверил слову служителей Ануи, верных его власти. Теперь тайна будет раскрыта, но лживо, искажённо, и их назовут предателями.

Тэра не знала, как воспрепятствовать этому. Ведь и вся её жизнь была по сути нарушением Закона. Она не могла смириться с таким положением дел, потому что служение Ануи было её дыханием, биением её сердца, её *душой*. Учитель сказал, что наследник обещал защитить их. Но пойти против Закона не мог и наследник. И не должен был, ведь Эмхет хранили Закон на земле.

«Грядущая буря либо сметёт нас, либо вознесёт на новый виток событий». Так сказал Перкау.

Неразрешимые противоречия разрывали её сознание, укрытые покровом печали и горечи... Впервые Тэра действительно желала, чтобы Хэфер ушёл из храма и вернулся к своей жизни. Она оставила всё на волю Ануи, потому что воля Ануи изначально и сделала эту встречу возможной...

Юные псы встrepенулись, почуяв чьё-то присутствие, но вели себя дружелюбно. Спустя некоторое время Тэра услышала звук шагов. Кто-то направлялся к ней по берегу, но пришёл гость со стороны храма или со стороны некрополя, она не знала. Её уединение было нарушено.

Девушка обернулась. Инстинктивно её руки взметнулись, чтобы скрыть лицо головным покрывалом, и тотчас же безвольно опустились – в тайнах больше не было смысла. Она вся подобралась, не зная, чего ожидать.

Хэфер приблизился осторожно, точно боясь спугнуть её, и опустил на песок светильник. Тэре показалось, что хромал он уже значительно меньше. С ночи ритуала она не видела его и не знала, произошли ли уже с ним какие-то значимые перемены.

Щенки окружили наследника и начали радостно прыгать на него, грозя сбить с ног – вес у них был уж немалый. Царевич беззлобно прикрикнул, и они притихли.

Не говоря ни слова, он снял заплечную сумку, достал из неё и поставил перед девушкой маленькую курильницу и чашу из голубого фаянса того оттенка, который художники использовали на фресках, чтобы передать нездешность Западного Берега и божественного пространства. Следом появились кувшин с вином и благовония. Опустившись на колени, Хэфер наполнил чашу вином и воскурил благовония. Тэра узнала запах – в храмах с ним провожали усопших в добрый путь, а у гробниц поминали близких.

Царевич чуть переместился, садясь рядом, спиной к девушке. Чаша и курильница оказались между ними. Он держался собранно, немного скованно, точно пытался следовать правилам некоего неписанного и не очень хорошо ему известного этикета.

– Возможно, так тебе будет легче, привычнее говорить со мной, – негромко объяснил он, – а смотреть ты позволишь мне, когда сама сочтёшь возможным довериться.

– Дело не в моём доверии! – возразила Тэра – резче, чем хотела, – и смущённо замолчала.

Чем сильнее были бушевавшие в ней эмоции, тем сложнее оказывалось их выразить. Так было всегда. Но Хэфер точно не обратил внимания на то, что она пыталась защититься.

– Раздели со мной чашу памяти в его честь, – царевич указал за спину рядом с собой, на вино. – Я так многим обязан ему... но даже имени его не знаю.

Тэра поняла вдруг, что он искренне хотел смягчить её боль и страх той ночи.

– У них свои имена, нам недоступные, – ответила девушка уже доброжелательно, а потом подняла чашу, пригубила вино и прошептала, глядя в сторону некрополя: – Пусть твой путь домой будет лёгким, мой друг.

Нерешительно она тронула царевича за руку и передала ему чашу. Хэфер не вздрогнул, и, взяв не глядя чашу из её рук, пригубил вино и тихо сказал:

– Пусть будет милостив взор Ануи к твоей душе, несравненный страж и проводник душ.

Некоторое время они молчали, вспоминая, передавали друг другу чашу с вином и рассказывали что-то из своих воспоминаний, связанных с патриархом. Конечно, больше историй накопилось у Тэры, знавшей пса с детства. Хэфер слушал её с неподдельным интересом, изредка задавая вопросы. Она рассказывала о тайных даже от учителя ночных вылазках, в которых пёс сопровождал её, о том, как он несколько раз защитил её от песчаных чудовищ, как вместе они таскали с храмовой кухни пирожки с мясом, и страж, которому, в отличие от юной послушницы, конечно же, не попадало, каждый раз поддерживал свою любимицу, честно принимая вместе с ней выговоры Верховного Жреца. Правда, за проступки, которые грозили Тэре опасностью, зверь и сам иногда был горазд проучить её, покусывая – не до крови, но весьма чувствительно.

Чаша с вином понемногу пустела, а память становилась всё светлее, ведь вспоминались самые лучшие, самые прекрасные моменты из жизни ушедшего.

– Иногда на тренировках мне казалось, что он смеялся над нами, над теми условностями, которыми мы себя окружили, – сказал Хэфер, и в его голосе Тэра услышала улыбку. – Интересно, какими он видел нас?

– Гораздо менее совершенными существами, чем псы Ануи, – ответила девушка, не удержавшись от тихого смеха. – Очень уж снисходительный у него порой был взгляд. Он даже на Верховного Жреца так смотрел иной раз.

– И на тебя?

– О, на меня – особенно, – усмехнулась Тэра. – Он же был свидетелем всех когда-либо совершённых мной глупостей.

– Это он ещё моих не видел, – фыркнул Хэфер. – Ты кажешься гораздо разумнее, чем юные Эмхет, ну, кроме разве что моей сестры. Она была очень мудрой даже в детстве. Может, мудрость и взвешенность вообще свойственны девочкам гораздо больше, чем мальчикам?

– Мне, напротив, часто хотелось быть мальчишкой. В детстве это как-то проще, хотя для бальзамировщика не так и важно.

Она осеклась, вспомнив, почему, собственно, боялась неминуемого разговора с царевичем. Но пока их беседа была лёгкой и тёплой. Хэфер каким-то неведомым образом отогнал мрачные тени, бродившие рядом с Тэрой, и ей стало так хорошо... Велико было искушение представить, будто после ночи ритуала между ними не пролегла пропасть.

Тэра допила последний глоток вина и отставила чашу.

– Благодарю тебя, господин царевич... Этот вечер – именно то, чего мне не хватало.

– Мне нравится, когда ты произносишь моё имя.

– Для того разговора, с которым ты пришёл, легче удерживать расстояние, положенное по этикету, – возразила она.

Её голос снова зазвучал с прохладой, хотя закрыться от собеседника сейчас было очень непросто.

– Легче? – переспросил он с обезоруживающим теплом.

Тэра даже немного рассердилась на него за то, что защищаться оказалось труднее.

– Мне... легче, да, пожалуй, – ответила она с лёгким вызовом. – Говорить о нарушении Закона с другом намного сложнее, чем с будущим Владыкой.

Хэфер вздохнул.

– Я понимаю. Мы с Верховным Жрецом действительно говорили о нарушении Закона, – его голос тоже приобрёл иные интонации. – Не буду лукавить, как потомок Ваэссира Эмхет я обязан защищать и соблюдать Закон без исключений, невзирая на свои чувства.

Тэра опустила голову. Что она могла сделать сейчас – упасть на колени, умолять его о милости не для себя, но для учителя и для их храма? Вот только Перкау всегда предупреждал её, что согласно Закону, который они нарушили, он был виновен даже больше, чем его ученица. На него в полной мере ложилась ответственность посвящённого, тем более – главы храмовой общины. Он, жрец, передал не предназначенные для людей таинства человеческой девушке, и тем самым к тому же подвергал её каждодневной опасности. Да, формально он не провёл свою ученицу через Посвящение, но обучил её гораздо глубже, чем просто послушницу. А другие жрецы и послушники знали об этом и никак не препятствовали. Отвечать придётся всей общине.

Но ведь что-то Тэра могла сделать!

– Мой царевич, позволь...

Хэфер вскинул руку, прерывая её, и она не посмела перебить его.

– Как потомок Ваэссира я имею право воплотить и другую часть Закона. Я готов сделать это даже без твоего согласия, если придётся, но то говорит во мне *другая* Сила, недавно разбуженная ритуалом. «Привычный для меня я» всё же предпочтёт спросить тебя. И я бы хотел задать этот вопрос, глядя тебе в глаза.

Тэра неуверенно кивнула, а потом, спохватившись – ведь он по-прежнему сидел к ней спиной и не видел жеста, – сказала:

– Да, конечно. В тех запретах больше нет смысла, господин мой царевич.

– Спасибо Тэра, жрица Стража Порога, – серьёзно ответил наследник и повернулся так, чтобы сесть ровно напротив неё.

– Я – не...

– Для послушницы в тебе слишком много Его Силы. В этом я согласен с нашим знакомым песчаным магом. Прошла ты ритуал Посвящения или нет, ты обучена, и Ануи проводит Свою

волю в Мир сквозь тебя даже в большей степени, чем через многих из жрецов, виденных мной прежде.

Взгляд Хэфера был очень пристальным, осязаемым почти физически. Сейчас в его золотых глазах не горело то пламя, которое девушка увидела сразу после ритуала. Он смотрел сурово, но вместе с тем тепло, не обжигающе.

Совсем некстати девушка подумала, что он был красив так же, как его душа, – даже дух захватывало. В скудном свете светильника, в тонкой дымке благовоний его лицо, очерченное тенями, обрамлённое не драгоценным убором, а смоляными волосами, было царственным, как статуи его божественного предка: высокие скулы, орлиный нос, резко прорисованные губы. Тьма скрадывала недостатки его тела, и можно было представить, как будто не было той страшной охоты, и истерзанных останков, и долгих ночей восстановления его смертной формы.

Тэра любила его всего, целиком, *любым*. Она бы прошла весь этот путь заново, даже зная, как всё обернётся.

Звучание голоса царевича не вырвало её из оцепенения, а словно бы усилило его.

– Ты примешь из моих рук награду? Я проведу тебя через иное Посвящение – то, которое откроет для тебя все желанные тебе дорогие в Империи. Ну, или почти все... – тень улыбки коснулась его губ.

Девушка не знала, что отразилось в её собственном взгляде и что ему удалось прочесть.

– Боюсь, я не совсем понимаю, – после недолгого молчания призналась она.

– Ты можешь стать рэмеи, если на то будет твоя воля.

Глаза Тэры распахнулись. Она подалась вперёд, недоверчиво глядя на царевича. Разве таким можно было шутить?!

– Я слышала, что есть ритуал крови, – неуверенно начала она. – Но проводится он чрезвычайно редко. Люди и без того живут в Таур-Дуат почти наравне с рэмеи, но этот дар получают самые исключительные из них... Если ты играешь со мной, мой господин, то игра твоя жестока.

– Я предпочту принять эти слова как знак твоего смятения, а не как оскорбление, – сухо ответил он.

– Прошу простить меня, царевич... – Тэра склонила голову. – Этот дар... невозможен. Я даже думать себе о таком не позволяла, не то что мечтать! Разве что... мечтать о том, что Страж Порога проведёт меня к Водам Перерождения однажды и подарит другое воплощение, и тогда я смогу служить Ему открыто.

– Достойная мечта. И заслуженная.

– Чтобы заслужить честь стать рэмеи, нужно быть героем, совершившим исключительные подвиги во имя нашей возлюбленной земли. По крайней мере, так говорят древние тексты.

– Разве то, что ты сделала для меня, – не исключительный подвиг? Подвиг на благо Империи и рода Эмхет.

– Я не могла иначе. И не мне об этом судить.

– Верно, – спокойно кивнул царевич. – *Мне* судить. И я нахожу то, что ты сделала, именно таковым – исключительным, достойным того, чтобы увенчать рогами именно тебя, а не только твоих потомков.

Тэра почувствовала, что если не обопрётся ладонью о землю, то потеряет равновесие, потому что от слов наследника у неё закружилась голова. Двусмысленность его последней фразы не добавляла ясности мыслям.

– Но не все люди воспринимают этот дар как дар, – продолжал Хэфер. – Не все хотят свести родство с демонами. Стать рэмеи означает изменить свою душу и весь её дальнейший путь. Тело лишь отразит перемены, что произойдут с самой сутью.

– Во мне нет страха, мой царевич, – горячо возразила Тэра. – Откуда бы ему взяться, если я принимаю верования Таур-Дуат всей душой? Да, у некоторых из людей до сих пор весьма...

первобытные представления о нэферу и хайту как о силах, всякое соприкосновение с которыми порочит душу. Или что-то вроде того.

Хэфер поморщился.

– И эльфы, увы, вполне поощряют такого рода мифы среди человеческих народов. По части хайту мы с ними, конечно, согласны, но в остальном... – он отмахнулся, не желая продолжать очевидное, и сказал: – Ты не из тех, жрица. Но я не мог не спросить тебя.

Тэра закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Сердце билось так громко, что казалось, его стук был слышен на всю округу. Вдох-выдох. Сон воспалённого сознания.

– С тобой всё хорошо? – с тревогой спросил царевич.

– Да, просто... это ведь невероятно... – шёпотом сказала она, боясь, что если скажет громче, наваждение развеется. – И я правда смогу?..

– Я отвечаю за свои слова, – серьёзно заверил Хэфер. – Но прежде, чем ты дашь мне свой окончательный ответ, я должен напомнить тебе ещё об одной причине человеческого страха.

Тэра наконец нашла в себе силы посмотреть ему в глаза.

– Ничто не может испугать меня и поколебать в своём решении, мой царевич.

– Послушай меня, – мягко попросил он, и в его взгляде ей почудилась тень тревоги. – Кто бы ни проводил Посвящение, в итоге только Боги решают, войдёшь ли ты в народ в этом воплощении... или в следующем. Наши жрецы и чародеи считают, что у разных людей и рэмеи разная возможность пропускать сквозь себя энергию, и потому выдержать Посвящение могут не все. Случалось так, что некоторые из тех, кто пригубил воды из фонтана Ваэссира перед дворцом – *живой* воды, что в ходе ритуала становилась кровью нашего народа, – падали замертво. Мы хоронили их по Закону рэмеи, как одних из нас, потому что души их впредь воплощаются так же, как и наши. Я не смогу защитить тебя там.

– Как ты думаешь... за какие грехи душа рэмеи может воплотиться человеком? – робко спросила она. – Разве наши Боги... отказываются от нас? Интересно узнать, что думает об этом потомок Ваэссира.

– Ни за какие не за грехи, – нахмурился Хэфер. – Это просто другой путь. Возможно – для новых свершений и задач... хотя, бесспорно, это немного странно. Рэмеи обычно воплощаются рэмеи, эльфы – эльфами, люди – людьми. Судьба народа как бы состоит из судьбы всех душ, в этот народ включённых. Но ведь бывают и исключительные случаи в божественном Замысле, который нам просто не дано постичь.

От его слов точно стало светлее.

– Учитель говорил так же – не за грехи, но ради иных задач.

– Тэра... – её поразила тщательно скрываемая боль в его голосе, и... нежность. – Крылья смерти уже распростёрты над тобой. Я знаю *настоящую* цену своего спасения теперь. Я потеряю тебя, не успев даже узнать так, как хотел бы.

Девушка не отшатнулась, когда он протянул к ней руку... но так и не коснулся. Курильница и дымившиеся благовония были совсем хрупкой преградой, но они напоминали о реальности, обо всём том, что разделяло их.

– Прими Посвящение, Тэра, – попросил царевич. – Я так хочу знать, что впереди у тебя много долгих лет, что я хожу с тобой по одной земле, что пусть и далеко от меня, но ты *живёшь*... что ты исполняешь свои мечты, больше ни от кого не скрываясь... что, может быть, хотя бы иногда я сумею видеть тебя. А после – кто знает – быть может, мы снова воплотимся в одной эпохе... и я смогу быть ближе к тебе.

От этих его слов Тэра ощутила сладкую дрожь, и последние сомнения растворились в ночи вокруг, утекли вместе с пряным сладковатым дымом благовоний.

– Принадлежать к твоему народу – великая честь для меня, – чуть слышно, всё ещё боясь нарушить момент, ответила девушка. – Что бы ни случилось там, Посвящение просто вернёт

меня домой. И я смогу надеяться на встречу у Вод Перерождения... чтобы впредь воплощаться с тобой под одним небом...

Не в силах противиться радости и облегчению, которыми засиял его взгляд, она всё же позволила себе вложить руку в его открытую ладонь.

– Но пока встреча дарована нам здесь и сейчас... – его голос стал вкрадчивым.

Тэра даже охнуть не успела, когда Хэфер вдруг поднялся и притянул её к себе, отступая от курильницы. Все их разговоры, все сокровенные мысли, которые они разделяли, все запретные чувства слились в единую картину теперь, когда она оказалась в его объятиях. А восхищение в его глазах ярче любых слов отвечало на вопрос, желал ли он видеть её рядом с собой.

– Ты говорила, что наследник может получить любую женщину в пределах Таур-Дуат, – сказал Хэфер, глядя на неё со смесью нежности и огня, который и пугал, и завораживал одновременно. – Но не любая нужна...

Её сердце запело новым незнакомым ритмом. Она чувствовала себя прекрасной, как сама Золотая Хэру-Хэйат, и вместе с тем открытой и уязвимой.

– И я говорила, что почти любая почтёт это за честь, – чуть слышно ответила Тэра, любясь им, купаясь в его взгляде.

– Почти... Вот потому не только царевич, но даже сам Владыка обязан прежде испросить согласия, если он действительно чтит Закон.

Его взгляд стал ещё более пристальным, вопросительным, почти требовательным. Он ждал ответа, и этот ответ был ему необходим так же, как ей – его объятие. То, о чём он говорил, восходило к древнейшей истории их народа, смутному времени, когда управителям земель было позволено всё.

Но разве могли найтись слова для ответа, который она жаждала дать? Тэра просто теснее прижалась к нему, чтобы быть как можно ближе к его внутренней Силе, к его душе, которая так манила её. Сама её суть мечтала обнять его, переплестись с ним, вознестись над всеми разделявшими их запретами. Что оставалось телу, кроме как отражать и воплощать это невероятное, глубокое, всеобъемлющее стремление?

Тотчас же она почувствовала, что объятие Хэфера стало крепче. Он вздохнул, обвивая её ногу хвостом в ещё более личном для рэмеи жесте близости. Девушка невольно сама пожалела, что у неё пока не было такого облика, и она не могла обнять его столь же полно – только лишь обвить его шею руками. Жалела она и о том, что не владела искусством брачных покоев, потому что, в отличие от благородных рэмейских дев, не проходила обучение в храме Золотой. Ей недоставало понимания, *как* показать всю глубину и силу своих чувств тому, к кому она настолько стремилась. Мысль о том, насколько она уступала женщинам-рэмеи – прекрасным, огненным, в полной мере осознающим свою женскую Силу – вспыхнула было... и тотчас угасла под взглядом Хэфера. Он как будто почувствовал тень её сомнений.

– Ты нужна мне, моё воплощение Золотой... твои прикосновения, твой огонь, твоё сердце...

С этими словами царевич поцеловал её.

Тело Тэры тотчас же отозвалось, точно хорошо настроенная лира в руках храмового музыканта. Она ответила на его поцелуй, исполненный невероятной упоительной нежности, чувствуя, как эхо его касаний прокатывается по всем пределам её восприятия. Она желала большего, намного большего – вобрать его Силу до последней капли и раствориться в ней, преподнести ему в дар всю себя, все те удивительные сверкающие сокровища чувств, которые он пробуждал в ней одним своим существованием.

Ей было жаль, когда поцелуй завершился. Губами она чувствовала его дыхание, смешивавшееся с её собственным. Тэра распахнула глаза, встречая его взгляд, а потом неуверенно запустила пальцы в его волосы, которые так любила гладить, пока исцеляла его. Нежно она коснулась чувствительного основания рогов Хэфера, снова восхитившись их изысканным изги-

бом, характерным только для рода Эмхет. Такого рода касания у рэмеи считались ещё более личными, чем объятие хвостом. Взгляд царевича чуть затуманился от удовольствия, но он по-прежнему старался держать себя в руках.

– Я люблю тебя, единственный мой Владыка, – просто сказала девушка, но постаралась вложить в эти слова свои чувства.

Он обнял её так, что ей стало больно дышать, и зарылся лицом в её волосы. Она даже не думала, что в его руках осталось столько силы.

– Боги... и я люблю тебя, Тэра, *моя* прекрасная Владычица...

Спohватившись, он чуть ослабил объятие, но явно не намеревался отпускать её. Тэра и не хотела отстраняться. Она желала остаться в кольце его рук, упиваться вкусом его поцелуев. «Пусть бы эта ночь никогда не кончалась...» – счастливо подумала девушка... и запоздало поняла, что произнесла это вслух.

– Для нас она только начинается, радость сердца моего, – нежно сказал он, а потом вдруг подхватил её на руки и добавил серьёзно: – Но ночи в пустыне бывают холодными. Да и покой мёртвых тревожить не стоит.

Тэра ахнула – не столько от неожиданности, сколько от испуга за него. Пусть весила она немного, но его исцеление не было завершено, и...

Она не посмела напомнить ему о слабости тела, обо всём, что ему довелось пережить – не теперь, когда он желал быть для неё сильным настолько же, насколько сама она хотела быть для него прекрасной. Огонь в его золотых глазах пока ещё не выплёскивался через край, удерживался в границах, спрашивая её согласия...

Тэра опустила голову на плечо царевича, вверяя себя ему. Стремление к нему было намного сильнее любых сомнений, да и тех у неё уже не осталось.

Хэфер понёс её к храму. Она чувствовала, как он соизмерял свой шаг, как пытался не западать на одну ногу и не показать своей слабости. Щенки, словно проникшись важностью момента, следовали за ними спокойно и тихо. Видимо, эта ночь и правда была наполнена особым волшебством, раз юные стражи не стали пытаться извалить в песке обоих своих любимцев или затеять какую-нибудь ещё не подобающую случаю игру.

– Напомнишь, куда идти? – шёпотом спросил царевич и улыбнулся – за всё время жизни в храме он не успел выучить все входы и выходы, так много их было здесь. – А то представляешь, как неловко выйдет, если мы вторгнемся в комнату мудрого Перкау вместо нашей.

Тэра хихикнула, представив себе картину. «*Нашей...*» Как восхитительно это звучало!

– Позволь, я провожу, – тихо предложила девушка, когда они подходили к мосту. – А то ведь выйти и правда может неловко.

Хэфер остановился, задумавшись. Она решила воспользоваться этим моментом, чтобы не тратить его силы, и осторожно попыталась высвободиться. Бережно он поставил её рядом с собой, не выпуская из объятий, точно боялся, что жрица сбежит. Тэра нежно улыбнулась ему и взяла за руку.

– Я никуда не денусь. Пойдём... – шепнула она.

Вместе они пересекли мост над притоком и направились к спящему – как надеялась Тэра – храму. К счастью, на пути им никто не попался – только щенки следовали по пятам. Все вместе они прошли по тускло освещённым коридорам до двери в комнату Хэфера. Не выпуская руку девушки, царевич обернулся к щенкам и твёрдо сказал:

– Стражи или нет, а сегодня вам сюда нельзя.

Те заскулили, умильно завивая хвостиками. Тэра старалась не улыбаться.

– Нет, моё сердце – камень, – заявил царевич и толкнул дверь.

Самый находчивый из щенков попытался прошмыгнуть внутрь, но Хэфер выставил перед ним ногу. Юный страж возмущённо тьякнул. Царевич приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы они с Тэрой смогли протиснуться, а потом запер, игнорируя щенячьи протесты.

– Надеюсь, Страж Порога не покарает нас за непочтение к юным проводникам Его воли, – весело шепнул он, уткнувшись в её волосы.

Девушка рассмеялась, спрятав лицо у него на груди.

Щенки возмущённо потягивали за дверью, но вскоре, видимо, поняли, что даже привилегии храмовых стражей имеют свои пределы. Топоток маленьких лап вскоре стих в коридорах, и воцарилась тишина, которую нарушало только их общее дыхание и тихий смех. И без того тусклый свет почти не пробивался из-под двери. Если рэмеи ещё мог что-то видеть, то человеческие глаза различали лишь смутные тени.

Тэра помнила в комнате каждый уголок, учитывая, сколько времени она провела здесь за исцелением. За несколько месяцев пребывания наследника Эмхет в храме присущий ему запах – такой родной, а когда-то едва уловимый, как и сама ускользящая нить его жизни, – воцарился в этих скромных покоях, вытеснив запахи болезни и смерти.

Под ладонью Тэры билось его сердце. Ах, сколько же они боролись за это биение, и наконец-то оно стало ровным, сильным... частым.

Она снова ощутила прикосновение его губ, желанное, нежное, и ответила на поцелуй со всей силой своего чувства. Ритм его пульса отозвался нарастающим рокотом крови в её венах. Хэфер прервал поцелуй, но только лишь затем, чтобы обрисовать губами контур её лица, опускаясь ниже, к шее. Касания его губ были лёгкими, едва ощутимыми, но такими волнующими, что Тэре стало больно дышать.

Учитель называл новое тело Хэфера произведением искусства бальзамировщиков. Пожалуй, так оно и было. Но помогая воссоздавать эту форму, Тэра не думала о том, как скоро наследник сможет разделить ложе с женщиной... и уж тем более не думала, что этой женщиной окажется она. От таких мыслей девушка замерла, лишь теперь запоздало попытавшись осознать происходящее. Неужели это было здесь и сейчас, с ней? Она посмела влюбиться в потомка Божеств, и представить себе, что чувство её станет взаимным, было невозможно даже во сне. Но разве не о том сообщил ей Ануи, чья любовь к Его Богине навеки изменила этот мир? И как благодарна теперь была Тэра своему Богу, что не прислушался к её молитве в час отчаяния, что не убил её чувства, как она ни просила...

Почувствовав её оцепенение, Хэфер остановился и нежно заключил её в объятия. Она ощутила, как его хвост обвился вокруг её ног, притягивая ближе. Протянув руку, она пропустила сквозь пальцы смоляной шёлк его волос. Это было так естественно и привычно – хоть и делала это Тэра прежде только тайком от него, – что придало ей уверенности. Он не знал, что уже не раз его голова покоилась у неё на коленях, что она ласково гладила его лицо, запоминая каждую чётточку, что заботливо омывала его тело, пока заживали раны. Всё в нём было ей знакомо... и вместе с тем сегодня он открывался ей совсем по-новому.

– Ты видишь меня, а я тебя – нет, – тихо заметила она. – Это немного нечестно.

– Согласен, – усмехнулся Хэфер, – но светильник здесь остался только один. Второй мы забыли у реки...

– Даже больше, чем светильнику, кто-то из наших братьев по общине обрадуется хорошему вину, – улыбнулась Тэра, позволяя ему увлечь её глубже в темноту комнаты.

Бережно Хэфер усадил её на ложе, у которого она когда-то провела много бессонных ночей... у которого царевич, однажды очнувшись, попытался удержать её и узнать. Сердце забилось сильнее от нетерпения, от осознания того, как близко она была к своей мечте, тогда казавшейся невероятной. Нет, пожалуй, даже мечтать она не смела, что всё может пойти так далеко... Девушка вслушивалась в звук его шагов, безошибочно определяя, куда он двигался. Царевич затеплил единственный светильник, укрепив его на крюк в стене, и темнота отхлынула. Теперь ночь мягко, как большая кошка, ступала вдоль границ золотого круга.

– Раньше поэтическое сравнение глаз с драгоценными камнями казалось мне избитым и надуманным, – проговорил рэмеи, оборачиваясь к Тэре. – Но твои и правда сияют, как прозрачные бирюзовые бериллы¹⁹.

Девушка смущённо улыбнулась. Хэфер подошёл к ней, сел рядом и взял её за руку. Она невольно вздрогнула от удовольствия, когда царевич очертил кончиками пальцев и аккуратных коротких когтей её ладонь и провёл рукой выше, к локтю. Сквозь ткань драпированных рукавов калазириса она чувствовала тепло его ладони, и желала, чтобы от его касания её не отделяла преграда даже настолько тонкая, как облачение.

Когда царевич ласково коснулся её плеча и отвёл волосы с шеи, пропуская их сквозь пальцы, целуя пряди, жар, разгоравшийся внутри, был уже настолько невыносимым, что только правила приличия мешали Тэре сорвать с себя шерстяную накидку, надетую поверх калазириса.

– Позволишь? – спросил Хэфер, ловя её взгляд.

«Да! Всё, что захочешь», – подумала девушка, глядя ему в глаза, и порывисто кивнула.

Он аккуратно расстегнул простую круглую брошь и снял накидку с её плеч, а потом не менее аккуратно сложил рядом с ложем. Следом легла и его накидка. Он остался в простом светлом схенти, прихваченном широким поясом. Причудливая вязь аккуратных тонких шрамов шла по его груди, животу и рукам, уходя к спине и к ногам, напоминая о невероятных трудах слугителей Ануи. Даже большинство мумий не нуждалось в таком количестве швов. Из прошлой жизни лишь лицо его осталось прежним, нетронутым.

– Так и правда лучше, – удовлетворённо заметил царевич, расслабленно поводя плечами.

Тэра хорошо знала каждое его движение, каждую деталь его облика. Но было что-то особенное в том, что теперь можно было наблюдать за ним и любоваться им открыто, не тайком.

– Ты очень красивый, – восхищённо призналась она.

Хэфер тихо смущённо рассмеялся.

– Хорошо, что моя целительница находит меня таковым, даром что видела в самых разных и весьма неприглядных образах. Доброе слово от врачевателя дорогого стоит. Но, право, жаль, что ты не видела меня раньше.

– Шрамы совсем не портят тебя, – заверила его Тэра, – да и мы старались сшивать твою плоть аккуратно.

Она чуть коснулась его груди – там, где кости когда-то были расколоты.

– Я уже не раз имел удовольствие оценить вашу ювелирную работу, – с уважением ответил Хэфер, накрывая её ладонь своей. – Но учитывая количество необходимых надрезов, не уверен, хочу ли я знать, *что* ты притащила в храм в тот день. Похоже, вы собрали меня по частям, как Аусетаар – своего супруга Ануи в известной легенде.

– Почти так и было, – вздохнула Тэра.

Но теперь боль и страх оставались позади. И не случайно он вспомнил ту легенду, как и сама девушка вспоминала послание своего Бога.

– Тем чудеснее видеть тебя теперь таким живым, прекрасным... и близким. Когда знаешь всё о строении тел, они кажутся удивительно... хрупкими.

– Ну нет, не настолько уж я и хрупкий! – весело возразил царевич, привлекая её к себе. – Надеюсь, ты не боишься, что я развалюсь на куски прямо в твоих объятиях? Это было бы весьма досадно.

Тэра покачала головой, невольно улыгнувшись его тёмной шутке, хотя в тогдашнем его положении она не находила ничего смешного.

---

¹⁹ Берилл – минерал, разновидностями которого, в частности, являются аквамарин и изумруд. Здесь имеется в виду пространственный светло-бирюзовый оттенок берилла.

– Вот видишь, ты слишком много времени провёл среди нас, мой царевич. У тебя даже юмор уже как у бальзамировщика.

– Я с радостью пробыл бы здесь ещё дольше, – доверительно проговорил он. – *С тобой.* И хотя бы сегодня я предпочту не думать о долге... и о том, что ждёт всех нас в ближайшем будущем...

– Не думай, – шепнула она и сама прильнула губами к его губам.

Хэфер ответил на её поцелуй горячо и жадно. Когда он подался вперёд, бережно, но настойчиво, побуждая её лечь, девушка не сопротивлялась. Близкое тепло его тела опьяняло, соблазняло её. Её губы разомкнулись навстречу его обжигающим, всё более смелым поцелуям, от которых обрывалось дыхание. Он завёл одну руку ей под голову, удерживая в объятии, а другой нежно ласкал её тело, каждым касанием точно любуясь ею через свою ладонь. Сквозь тонкий лён прикосновения казались дразнящими и недостижимыми. И чем нежнее, смелее скользила его ладонь, тем невыносимее казалось ей всякое наличие одежды между ними. Тэра с раздражением дёрнула завязки, крепившие драпировку калазириса.

– О да, настоящая рэмеи, – Хэфер восхищённо улыбнулся, не прекращая ласкать её. – Живой огонь... кто бы что ни говорил о жрецах Смерти.

– Мы умеем чувствовать... любить, – выдохнула Тэра, изгибаясь навстречу его прикосновениям, когда он помогал ей освободиться от облачения.

– Знаю, – прошептал царевич, покрывая поцелуями её кожу, ставшую болезненно чуткой к каждой даже самой лёгкой его ласке. – Твои руки даруют мне жизнь.

Тэра не удержалась от стога наслаждения, когда он приласкал её груди, чуть сжимая губами затвердевшие бусины сосков. С нетерпением она потянула за пояс, удерживавший его схенти. Хэфер нехотя выпустил девушку из рук – только затем, чтобы быстрее стянуть с себя одежду, – и поспешил снова прильнуть к ней. Теперь, когда их ничто не разделяло, Тэра чувствовала, что от силы желания начинает терять связь с реальностью. Смущение казалось уже таким неуместным и неестественным, ведь это была её родная душа, заключённая в прекрасный бережно восстановленный облик.

Она целовала его зажившие шрамы, скользила ладонями по его груди, плечам и спине, с радостью отмечая, что двигался он уже почти без боли. Его радость и удовольствие вызывали в ней чистейший восторг. Его приглушённый голос в эти мгновения был похож на древнюю колдовскую песнь, звучавшую для неё одной. Исподволь он направлял её руки, учил её получать наслаждение от особенных прикосновений и приносить его, ни словом, ни случайным жестом не выразив разочарование её неопытностью. Да и было ли оно?

Его губы разжигали огонь её лона всё ярче, всё жарче, пока желание не достигло своего апогея. Тэра уже не в силах была удерживать разбуженное возлюбленным пламя, растворяясь в нём, готовая умолять даровать единение. Хэфер и сам почувствовал миг, к которому так тщательно, с любовью, выраженной в каждом из его касаний, готовил жрицу. Прервав свои ласки, он приподнялся на руках и оказался точно над Тэрой. Девушка видела золотое пламя в его взгляде, чувствовала, как он напряжённо замер меж её бёдрами, как чуть подрагивал у её лона его налившийся силой клинок.

– Да... – выдохнула она, жажда обнять его всей собой, и изогнулась ему навстречу.

Если боль и была, девушка не осознала и не запомнила её, растворяясь в своём стремлении к возлюбленному. Нити, протянувшиеся меж ними, крепили с каждым движением, с каждым мгновением упоительной близости. Их энергии становились единой Великой Рекой, безбрежной, неистовой. В какой-то миг ей показалось, что границы плоти окончательно разомкнулись, и Тэра испытала почти то же, что и в первый раз при соприкосновении с его душой, которую нашла и вернула. Но сейчас его суть была не потерянной, а могучей, сверкающей, торжествующей. Божественные токи, протекавшие в их жилах вместе с кровью, сливались воедино. Неспешный ритуальный танец их тел и душ был похож на церемонию в храме, если

бы вдруг прикосновение Божеств можно было получить вместе, в едином общем мгновении. Сама Золотая благословляла их Своим присутствием, в том уже не было сомнений. Близость возлюбленного Тэра чувствовала на всех уровнях своего восприятия и понимала, что ничто никогда не сможет сравниться для неё с этим безусловным родством, кроме разве что благословенного присутствия Ануи.

Золото его глаз затмило всё, стало её миром в эти несколько мгновений, растянувшихся в вечность. Он властвовал над нею безраздельно, но власть эта не унижала, а возносила, ведь и она по-своему обладала им, побеждала его, низвергала и заставляла парить. Его взгляд изменился. Почувствовав, что он ускользает, Тэра крепко обхватила его бёдрами, не желая разрывать единение, мечтая ощутить его радость во всей полноте. Хэфер прильнул к её губам... и всё же приподнялся на коленях, размыкая их единение в тот самый миг, когда уже не мог удержать себя. Кожей она ощутила жидкий огонь, хлынувший из него. Его наслаждение многократно отразилось в ней, настолько общим и цельным стало их восприятие. Хэфер крепко прижал её к себе, нежно шепча её имя. Тэра чувствовала, как неистово колотилось его сердце в такт её собственному...

Он позволил себе совсем немного покоя, а потом осторожно высвободился из её объятий. Девушка запротестовала, но царевич лишь интригующе улыбнулся, искушая её, и скользнул вниз.

Тэра вскрикнула, когда его губы снова коснулись её лона, разжигая так и не уснувший огонь. Она вцепилась в его плечи, чувствуя, как пламя всё больше охватывает её, пока наконец волна сладости не прокатилась по её телу, смывая все иные ощущения, достигая самых границ осознания. Откуда-то из невероятного далёка Тэра слышала свой голос, не то выкрикнувший, не то пропевший любимое имя, но это уже почти не имело значения...

Богиня свернулась в его объятиях, сонно мурлыча что-то нежное. Хэфер счастливо вздохнул и поправил тонкое покрывало, сползшее с её плеча. Тэре нужен был отдых. Ему самому было не до сна – едва забывшись в дрёме от сладкой истомы, он вскоре проснулся от того, как с непривычки ныли мышцы и, казалось, сами кости. Но это было невысокой платой за упоительное чудо. Слава Богам, тело не подвело его и помнило всё, чему было обучено, а жрица не заметила неловкости его движений. Ну а теперь он мог посвятить время любованию своей возлюбленной, которую наконец обрёл по-настоящему.

У неё были длинные волосы, золотые с серебром, точно она вобрала в себя священный электричество. У женщин-рэмеи редко встречался такой цвет волос, более присущий эльфам, – разве что у тех, кто вёл свой род от некоторых людских племён. К сожалению, серебра было слишком много – напоминание о плате за её Силу, как и весь её облик...

Девушка выглядела как зрелая, вошедшая в полную силу женщина чуть старше Хэфера, но он помнил о её юности. При этом она была хрупкой, как изящная статуэтка. Даже для его ослабевших рук весила Тэра совсем немного. Стремясь сохранить в себе жизнь, тело пережигало себя слишком быстро, а потому стан жрицы был даже слишком тонок. Оба её запястья и даже лодыжки Хэфер мог перехватить одной рукой. У неё были маленькие груди, соблазнительно умещавшиеся в ладонях, и красивые бёдра, округлые, несмотря на болезненную хрупкость тела. Её чуткие тонкие руки так легко было представить парящими над струнами лиры... и с трудом – над мёртвыми телами, однако именно это было её основным родом занятий: трансформация плоти для путешествия в вечность. Не раз она напоминала ему в ходе прежних бесед, что живые боятся прикосновений бальзамировщиков... но для царевича её касания стали самой жизнью.

Её красивое лицо было царственным и безмятежным, как и присуще служителям Смерти, и удивительным образом почти не отражало эмоций, целая буря которых бушевала в колдовских берилловых глазах. Как у многих уроженцев Лебайи, в чертах её было что-то эль-

фийское: высокие заострённые скулы, тонкие – тоньше, чем у большинства рэмеи – губы, прямой аристократичный нос. Но держалась Тэра совершенно по-рэмейски, в каждом своём слове и жесте была настоящей рэмеи, и горело в ней истинно рэмейское пламя. Хэфер с лёгкостью представлял, как изящные рожки увенчают её голову, а хвост добавит ещё больше грации – не с самого начала, конечно, а когда она уже привыкнет к новому балансу тела, – как пальцы станут казаться ещё изящнее с узкими коготками, как тело нальётся силой и здоровьем. О том, что Тэра не переживёт трансформацию ритуала крови, царевич просто не позволял себе думать.

Но и до Посвящения в его народ она была для него прекраснее всех столичных красавиц вместе взятых. Каким же нелепым казался её страх перед его возможным разочарованием! Хэфер, знавший её душу, любивший её всем собой, просто не мог отвернуться от неё, даже окажись она вдруг эльфеей.

Царевич помнил смесь горя и радости, наполнившую его вместе с огненной бурей, бушевавшей внутри, когда он увидел Тэру над мёртвым стражем. Гибель пса-патриарха вызвала в нём боли и горечи не меньше, чем у обитателей храма. Но велика была и радость от встречи с мечтой, захватившая его... и величайшее изумление. В те мгновения все его чувства были острее – и ярость, и ненависть... и любовь... и желание обладать... Сатех властвовал им, и это было столь же прекрасно, сколь и пугающе, потому что от привычной его личности осталось тогда так мало...

«Взамен ты даруешь мне свою страсть...»

Хэфер не забыл эти слова, хотя по-прежнему не до конца понимал их смысл. Лишь в миг, когда их с Тэрой глаза встретились впервые по-настоящему, он ясно осознавал волю Сатеха, вошедшую в совершенный резонанс с его чувствами. Сейчас он опасался вспоминать ту сметавшую все заслоны разума страсть...

Тэра как будто почувствовала перемену в его настроении и очнулась от своей дрёмы. Повернувшись к царевичу, она посмотрела на него с нежностью и участием. Когда девушка протянула руку и ласково коснулась оснований его рогов, по телу Хэфера прошла знакомая сладкая дрожь, вытеснившая все мысли. Он так хотел быть с ней, увести с собой в столицу, навсегда оставить подле себя, упиваться её присутствием каждый миг, свободный от долга... навсегда и вопреки всему... чтобы она принадлежала только ему одному и разве что ещё Боже-ству, которому она служила...

Хэферу впору было бы тревожиться от таких мыслей, ведь прежде он не был собственником, но сейчас он даже не задумался о свободе воли. В нём разгоралось пламя, не оставлявшее места осторожности и взвешенным суждениям.

– *Моя...* – выдохнул он, притягивая жрицу ближе.

– Не хочу терять ни мгновения нашей ночи, Хэфер, любимый. Будь со мной ещё, – прошептала Тэра, прижимаясь к нему бёдрами.

Краем сознания он помнил, что в первую ночь должен был быть осторожен, что ей нужен был куда более долгий отдых. Но зов её тела и её взгляда разомкнул какие-то последние призрачные границы, сдерживавшие его.

«Взамен ты даруешь мне...»

– *Моя... только моя...*

Хэфер жадно припал к её губам, как к источнику удивительной неиссякаемой Силы. Пламя вырвалось на свободу, ничем не ограниченное, с каждым мигмом разгораясь всё сильнее. Он чувствовал себя собой и *не собой* одновременно, став вместилищем огня, многократно превосходившего по мощи его смертную форму. Этот огонь точно плавил их тела и сливал воедино.

Легенды говорили, что Сатех ещё не изведал настоящей Любви, когда овладел Аусетаар, и выразил своё стремление к ней так, как умел. Опалённая Его огнём Владычица Таинств обрела иную ипостась и стала Госпожой Очищающей Боли, приняв часть сути своего брата

и первого супруга. Но и самого Сатеха изменило единение с Богиней. Первородный Огонь стало возможным приручать. Отец Войны научился, пусть скудно, но всё же творить жизнь, и в песках Каэмит появились редкие драгоценные источники, а вокруг них расцвели прекрасные оазисы. Владыка Первородного Огня впервые познал Закон, даровавший Миру форму согласно замыслу Великого Зодчего.

«Взамен ты...»

Власть была сладостной и всепоглощающей. Пламя ласкало и сжигало, возносило и низвергало. Сквозь рёв огня Хэфер вроде бы слышал крик, но свой или своей возлюбленной – он не мог разобрать. Не существовало ничего, кроме этой сияющей спирали, расплавлявшей их и сливавшей воедино, виток за витком уносившей к непознаваемым разумом пределам. И лишь на ослепительном пике пламя отхлынуло, оставляя Хэфера наполненным... и вместе с тем странно опустошённым...

Сознание возвращалось к нему понемногу, накатывая, как волны на берег. Царевич чувствовал и видел фрагментами. Привкус крови на губах... Электрумовые пряжи, намотанные на кулак... Росчерк от когтей на золотисто-оливковой коже... Синяки, проступавшие на хрупких запястьях...

С ужасом Хэфер высвободился и отшатнулся, но тотчас же опомнился и нежно привлёк девушку к себе, надеясь, что она не оттолкнёт его. Тэра не сопротивлялась – не то потому что действительно не желала, не то потому, что сил на сопротивление уже не осталось. Её дыхание было тяжёлым. Смотреть ей в глаза он не решился.

Кровь пульсировала в его висках, и мысли одна отвратительнее другой посещали разум. Как посмел он потерять контроль, точно горец из диких людских племён, которые в первую брачную ночь насиловали своих женщин, чтобы те не помышляли об измене!

«Но ты – целитель, не воин... То, что я могу помочь тебе исполнить, будет тебе не по сердцу, Хэфер Эмхет...»

«Это – не я!» – мысленно воскликнул Хэфер.

Но часть его лишь усмехнулась, ведь в глубине души он знал – ему *по нраву* быть и таким. Просто теперь эта часть его природы пробудилась.

Тэра свернулась у него на руках и подняла голову. Царевич посмотрел на неё и с облегчением заметил, что на лице её не было ссадин, а в глазах не отразилось ни тени страха.

– Прости меня, – тихо проговорил он, глядя её по волосам... и понимая, что говорил не вполне искренне.

Он не сожалел. Это испугало его даже больше, но он не мог показать жрице собственный страх. Он должен был защитить её и успокоить.

– За что? Ты... очень разный, – задумчиво проговорила Тэра и приложила ладонь к его лицу. – Я испугалась поначалу. Ты стал совсем как после ритуала, когда только вышел из круга.

Царевич покачал головой.

– Я... не справился с Его Силой... Так нельзя. В следующий раз что я – или Он через меня – сделает с тобой, если я не сдержусь?

Хэфер нежно сжал её плечи, боясь выпустить из рук, крепко обвил бёдра хвостом... и вдруг услышал её тихий шелестящий смех. Недоверчиво он посмотрел в берилловые глаза своей Золотой Богини, полные любви и отголосков затихавшей страсти.

– Мало кто умирает от удовольствия. Я не договорила. Страх был только поначалу, но ему не осталось места, когда я ощутила, что в каждом твоём жесте по-прежнему были чувства ко мне. Как странно... Я читала об искусстве брачных покоев в традиции Госпожи Очищающей Боли. Вот так оно происходит?

– Не знаю, – Хэфер неловко пожал плечами. – Я всегда предпочитал более... классическую традицию. Потомки Ваэссира не принуждают своих женщин.

– Вообще-то насилие происходит *против* воли, – возразила жрица, устраиваясь удобнее в его объятиях. – А если другой не против – так о чём сожалеть?

– Даже такого рода ритуал предполагает контроль. А я в те мгновения владел и не владел собой.

Она ответила через паузу, всё так же задумчиво, и в её глазах отразилось Знание – почти как в тот день у Перкау, когда бальзамировщик раскидывал для него предсказательные камни.

– Так бывает со жрецами, приглашающими в себя Силу своих Божеств.

Вот только *это* Божество сейчас пришло без приглашения... не считая того, что Хэфер пригласил Его в ночь ритуала.

– Я мог навредить тебе, Тэра. За это я и прошу прощения... – подумав, он добавил честно: – и за то, что мне *понравилось* обладать тобой.

– А вот за это извиняться не стоит, – она покачала головой. – Хэфер, ты научись существовать с Дарами Владыки Каэмит гармонично. Мы *оба* научимся, – девушка внимательно посмотрела ему в глаза. – Я постараюсь помочь тебе в этом, пока могу быть рядом с тобой.

Хэфер поцеловал её ладонь. Облегчение было почти болезненным.

– Благодарю тебя, радость сердца моего...

Нечестно было скрывать от неё. Но позволено ли будет рассказать о таинстве ритуала в круге? Царевич попытался нащупать связь со своенравным Божеством, чтобы понять Его волю... и не сумел ухватить её, только что такую яркую. Если Силу Ваэссира он мог призвать как жрец, то Сатех приходил тогда, когда желал Сам.

Хэфер решился. Слишком уж долго недомолвки разделяли их.

– Тэра... в огне жертвенника в ту ночь я увидел *твоё* лицо, только рэмейское. Тогда я ещё не знал, что это ты. Наша близость, похоже, в Его воле... уж не знаю почему. Я уже смирился, что моя судьба связана с обоими Богами, помимо моего предка Эмхет. Но *твоя*?..

Мучительно он пытался вспомнить последние мгновения их близости – успел ли он удержать себя?.. – пытался, и не мог.

Тэра не выглядела испуганной – скорее удивлённой.

– Поистине странно... Такие разные Боги переплели наши пути для неизвестных пока целей.

– Родство, которое я чувствую с тобой с самого начала – это воля *моей* души, а не божественная, – возразил Хэфер.

– Без божественного замысла такие чудеса не даруются, – с улыбкой возразила Тэра.

– Слова жрицы.

Вместо ответа девушка провела кончиками пальцев по его плечу. Только сейчас царевич ощутил, что кожу на плечах и спине немного саднило. У неё пока не было ногтей, но и человеческие ногти могли впиваться вполне ощутимо.

– Я тоже не была слишком нежной, – смущённо улыбнулась девушка. – Но и река нежности, и пламя страсти равно прекрасны, если освящены Любовью.

Не находя подходящих слов, Хэфер нашёл её губы своими. Они оба были измождены, но не для тихой нежности. За окнами уже давно занялся рассвет, но царевич и жрица, совершив краткое омовение, находили покой в объятиях друг друга, беседа в молчании.

Засыпая, Хэфер думал о словах Перкау перед ритуалом. Если бы Сатех не расколол изначальную форму Ануи, Владыка нэферу не переродился бы в Божество. А сам он стал бы тем, кем был сейчас, не разбейся его изначальная форма? Были ли бы ему дарованы эти величайшие драгоценности, о которых он даже не мыслил? Теперь он должен был защитить эти дары – защитить храм, ставший его убежищем, и тех, кто стал ему верными друзьями... и ту, без которой теперь он не мыслил свой путь.

Тепло Тэры согревало его сердце, успокаивало. Хэфер желал, чтобы так было всегда...

Глава 4

Далёкий голос, серебристый, высокий, звенящий, как одинокая струна в пустоте, как плач холодных звёзд над пустыней, достигал его слуха – прекрасный, хотя и жутковатый, как у призрака. Любимый голос...

*«Как пела Мать Незримая, Сокрытая:
Пробудись, пробудись, моё Дитя Чуда,
Первый наследник и старший сын,
Ты, кто рождён из тьмы и звёздного света,
Ты, кто владеет пламенным Сердцем Мира,
Пробудись, возлюбленное отверженное дитя...»²⁰*

Серкат часто пела ему эту колыбельную, сплетённую из строчек древнейших гимнов Владыке Каэмит. Вот и сейчас его голова покоилась у неё на коленях, и жрица успокаивающе перебирала его волосы одной рукой, а другой – гладила его плечо в том месте, где служительница Ануи нанесла удар ритуальным ножом. Маг улыбался сквозь сон, чувствуя, как исцеляли его эти касания...

Колдун не знал, сколько времени он провёл в своём сне. Проснулся он от того, что кто-то вылизывал его лицо. Распахнув глаза, он увидел самку ша²¹ – ту самую, с округлившимся мягким брюхом. Пути священных зверей были поистине неисповедимы. Каким-то образом ша нашла его, охраняла его покой и согревала своим теплом.

Маг потянулся к ней. Самка легла рядом, и он обнял её, уткнувшись лицом в жёсткую красноватую шерсть. Всё это время – непонятно сколько – он спал на каменных плитах святилища, а не на коленях Серкат, но был благодарен за это видение. Ещё больше он был благодарен за приход ша. Добрый знак, поистине добрый... Детёныши народятся в этом святилище и благословят древние стены своим присутствием.

Когда остатки колдовского сна окончательно покинули его, маг почувствовал острые голод и жажду. Тело, потратившее много энергии на восстановление, требовало восполнения сил. Боли он больше не чувствовал и не сразу вспомнил, что произошло с ним. Опираясь на руки, Колдун сел. Ша внимательно с участием наблюдала за ним своими яркими, как драгоценные рубины, глазами.

Левая рука подчинялась ему значительно лучше, лишь немного немея в плече – там, куда пришёлся удар ритуального ножа. Колдун ощупал затянувшуюся рану. Кожа отчётливо помнила целительные прикосновения Серкат – вот ведь удивительно...

А правую руку он почти совсем не чувствовал. С кривой усмешкой мужчина вытянул её перед собой, любуясь.

– Что ж, рука трупа обожжённого лучше, чем рука трупа гниющего, – сказал он вслух, чуть шевеля почерневшими пальцами, на которых осталось так мало плоти.

Ша понюхала руку и тихо зарычала. Маг понимал, что полностью подвижность не вернётся никогда. Правда, жрица Стража Порога не знала, что он владел обеими руками одинаково хорошо. Он не роптал. Его Бог и без того проявил удивительное милосердие, исцелив его, выжигая из него тлен, хотя и оставил неизгладимый след на память об ошибке. Мужчина не собирался гневить Сатеха неблагодарностью.

---

²⁰ По мотивам The Song of Set авторства Judith Page.

²¹ Зверь ша – чудовище из древнеегипетской мифологии с условно собачьей головой и раздвоенным хвостом. Иероглиф зверя ша был связан с понятиями «свирепый», «злой».

Когда Колдун посмотрел на алтарь, из его груди вырвался болезненный скорбный стон, какого не вызвала и потеря руки. Он надеялся, всем сердцем надеялся... но жезл, столкнувшийся с Силой священного зверя и жреческим проклятием, так и остался расколотым надвое. Артефакт был приручен им, а прежде – передан ему лично Серкат, которую прочие звали Безумной, а он – мудрейшей, единственной из рэмеи, людей и эльфов, к кому он питал тёплые чувства. Этим самым жезлом он освободил свою посвящённую сестру и наречённую мать от оков плоти, более неспособной вмещать в себя мощь и глубину достигнутых ею Знаний. Колдовать он мог и без жезла, но артефакт был могучим проводником Силы Сатеха. Негоже такому предмету находиться в руках собачьих жрецов. Но потом Колдун вспомнил взгляд своего соперника и удовлетворённо покачал головой.

– Не-е-ет, *то, что было царевичем*, не отдаст вам жезл просто так, – проговорил он. – Разве что жрица, поднявшая его, прикажет ему. Но и тогда он попробует сражаться... Он? Или оно?.. Хм...

Маг поднялся, положил ладони на алтарь, черпая в этом прикосновении силу, и задумался, точнее – попытался. Потребности тела вторгались в его размышления и были слишком сильны, чтобы даже он, привыкший к лишениям, мог их игнорировать. Нужно было позаботиться о спасённой Владыкой Первородного Огня смертной форме.

Он спустился к подземным источникам, благословению этого святилища. Опустившись на колени, маг жадно пил, смакуя солоноватый привкус, радуясь свежести, наполнявшей его словно иссохшее тело. Ша подошла и ткнулась в него мордой, чуть не опрокинув в источник. Колдун обернулся к ней... и улыбнулся, растроганный. Самка бросила рядом с ним тушку какого-то зверька – она поохотилась специально для него. А ведь ша редко делились добычей! Тушка уже начала подгнивать – так долго маг не приходил в себя, но это не имело значения. В животе у Колдуна заурчало. Жадно он впился зубами в сырое жёсткое сладковатое мясо. Ша удовлетворённо наблюдала за ним, сев рядом и обвив раздвоенным хвостом лапы. Он обглодал каждую косточку дочиста, но увы, этого было мало.

– Благодарю тебя, прекрасная, – искренне сказал маг. – Позволь и мне...

Мужчина снял с пояса кинжал, служивший проводником его воли во время ритуалов, и пошёл охотиться на змей, во множестве отдыхавших под камнями верхних развалин. Яды на него действовали не так, как на большинство эльфов и рэмеи. Огонь, бежавший по его жилам вместе с кровью, выжигал болезни и отравления, если только они не имели магической природы. С последними приходилось сложнее, но и случались они нечасто.

Ша ждала его, и с радостью Колдун разделил с ней уже свою добычу. Змеиная кровь и чуть поджаренное мясо хорошо утоляли голод и возвращали силу плоти. Сегодня маг был так голоден, что ел своих жертв почти сырыми. При этом он бережно сохранял всё, что не шло в пищу, для зелий и амулетов. А из змеиной кожи, если наловить змей побольше, можно будет сладить хорошую перчатку для его отмеченной Богами руки.

Ладья Амна стояла в зените. Маг задумался, какой же это был по счёту день после встречи с восставшим Хэфером. Целебный сон обычно длился не менее суток – уж он-то знал. В данном случае могло пройти и больше времени.

Утолив потребности тела, Колдун тщательно омыл лицо и руки и сел у алтаря. Он извлёк из тайника зеркало, иногда необходимое для ритуалов, и, помедлив, нехотя заглянул в серебристую поверхность. Ненавистное лицо, с которым он родился, вернулось к нему. Облик, дарованный Сатехом, был сорван, точно маска, обжигающим взглядом ша с жезла Хэфера. И это тоже было напоминанием о непростительной ошибке. Он должен был снова доказать, что достоин своего положения...

Колдуну хотелось отбросить зеркало, но от себя было не уйти, да и ритуальный предмет был хрупок. Бережно мужчина положил его обратно и взял обломки драгоценного жезла. Хмурясь, он осматривал место слома, поглаживал голову ша, касался острых концов «вилки».

Подобные артефакты могли служить своим хранителям столетиями и не ломаться. Очевидно, духовная Сила пса, охранявшего живой труп и жрицу, была очень велика. Но и сам Сатех был явно недоволен какими-то действиями своего служителя. Вот только какими?.. Враждебность тех ша... утрата жезла... потеря лица... Всё это были части единой картины, которую маг пока не мог осознать.

Мысли мужчины вновь обратились к тому, что недавно было Хэфером. Сатех ясно показал ему, что завуалированную просьбу Амахисат убить царевича, если вдруг обнаружится, что тот чудом выжил, исполнять было *нельзя* – не теперь, когда мертвец получил *такое* покровительство. Колдун бы не удивился, если б однажды это существо сумело сбросить с себя оковы воли собачьих жрецов и при этом не рассыпаться на части – если в нём, конечно, достанет Сатехова огня.

«В таком случае в нём можно будет даже искать союзника... – думал маг. – А возможно, имеет смысл и *повлиять* на более скорое его освобождение от оков?..»

Живой Хэфер обучался боевым искусствам, но не был воином по своей природе. Он был дипломатом, придерживавшимся послевоенной миротворческой политики своего отца. Воином-завоевателем был Ренэф, но Император всегда держал его в узде. Каким будет мёртвый Хэфер, осиянный благословением Отца Войны, – об этом им всем предстояло узнать в скором времени.

«Нет, я не стану покушаться на жизнь владельца жезла. Артефакт и так показал, что не будет мне служить... и *она* это знало, когда протянуло мне жезл...»

Колдун помнил жутковатую усмешку на губах того, что недавно было царевичем, помнил тот уверенный взгляд. Ни на мгновение существо не усомнилось, что жезл не уйдёт к другому. А само оно буквально переливалось благословением Сатеха, сиявшим даже сквозь плотный кокон смерти – сквозь погребальные пелены колдовства жрецов Ануи, поднявшего царевича из мёртвых, удерживавшего его плоть от распада.

Ни ради артефакта, ни тем более по просьбе царицы убивать его было нельзя. Это создание было зачем-то нужно Сатеху, и Колдун, последний настоящий жрец Владыки Первородного Огня, должен был уберечь его. По всему выходило, что именно на это указывал его Бог.

Он вернётся к Амахисат. Он даст царице пищу для размышлений и для нового ядовитого плана. Пусть отравит сердце столицы, как та чёрная кобра, что по иронии защищает чело Владык Таур-Дуат. Весть, которую он принесёт, будет даже более разрушительной, чем известие о гибели наследника.

Император сравнивает с песком собачий храм – ну так что ж, бальзамировщики сами навлекли на себя его гнев. А в окружении сонма врагов, в которых превратятся его близкие, среди тех, кто не примет его в новом качестве, мёртвому царевичу потребуется союзник, сильный и верный...

Колдун оторвался от созерцания жезла, посмотрел на самку ша и улыбнулся. Да, ему по силам будет привести нового последователя к Владыке Первородного Огня. Его собственное сердце возрадуется, когда возрадуется Сатех. И может быть, ему позволено будет воссоздать жезл и получить достойное лицо вместо ненавистного... Вспомнив об этом, мужчина раздражённо почесал между своими недоразвитыми рогами, маленькими, как у детей, едва вошедших в пору отрочества. Хвост был не лучше – уродливый отросток, едва доходивший до колена, которым ничего толком нельзя было делать. Хуже были только острые уши да раскосые по-эльфийски глаза. Серкат говорила, что он очень красивый, особенный. Да, в чём-то она и правда была безумной.

Искусством смены облика в Империи владели только жрецы Тхати высокой ступени посвящения, причём служители именно одной из ипостасей Триждывеличайшего – Вестника, Господина Удачи, защитника путников и перекрёстков, того, кто даровал дипломатам красноречие, торговцам – искусство расчётов и понимание мер... а представителям искусств уже не

столь уважаемых – собственно, удачу. У могущественных наследников фэйри – высокорождённых, элиты эльфийского народа – была способность к *гламуру*²², возможности менять свой истинный облик на любой, даже рэмейский. Но и высокорождённые, и служители Господина Удачи осуществляли это чрезвычайно сложное колдовство нечасто и ненадолго. Колдун знал это, потому что и сам умел набрасывать гламур.

Дар Сатеха не был колдовством – он был *чудом*. Бог даровал своему жрецу новый прекрасный облик, с которым маг уже так сроднился. А теперь... теперь он был отброшен на несколько ступеней назад. *Вирнан*.

Маг скрипнул зубами, а потом вдруг открыто рассмеялся.

– Реакция царицы сторицей окупит разочарование от вернувшегося уродства, прекрасная, – промурлыкал он, обращаясь к ша.

Огнегривая самка лизнула его в щёку. Ей было безразлично, как он выглядел, пусть даже облик и отражал путь души. Колдун ласково куснул её за ухо, вызвав довольное урчание, а потом поднялся одним неуловимым движением с истинно эльфийской грацией. Он завернул обломки жезла в чистейший лён и спрятал в тайник под алтарём. Без артефакта он чувствовал себя нагим, уязвимым, но не смел проявлять слабость. Его Бог испытывал его. Маг должен был показать, что достоин спасения. Но прежде ему нужно было окончательно прийти в себя.

Несколько дней Колдун провёл под защитой святилища, набираясь сил и обдумывая произошедшее, позволяя своему телу восстановиться. Он отдыхал, совершал омовения в священных горячих источниках под храмом, бродил по подземным залам, на стенах которых древние высекли иную, не распространённую ныне и потому забытую историю Таур-Дуат. Это был его дом, его убежище, его личное Место Силы, где его возлюбленный господин говорил с ним.

По нескольку раз в день маг проводил ритуалы и возносил молитвы. Это было необходимым условием для восстановления. К тому же в храме присутствие Бога было особенно ощутимо и упоительно.

Его мелодичный богатый интонациями голос под храмовыми сводами оживал силой Владыки Каэмит, и благословенное присутствие Сатеха наполняло древние стены, вторило магу эхом всех тех, кто когда-то совершал здесь обряды во славу Его. Пусть Колдун и не мог заметить собой целый культ, но он служил искренне и истово, поддерживая Силу священного Места. А Место Силы, в свой черёд, вливало энергию в его тело и питало дух.

Сатех благоволил ему на охоте в песках – в расставленные силки попадали небольшие звери, а под камнями неизменно прятались жирные змеи. Самке ша тяжело было охотиться – она вот-вот должна была разродиться – и потому маг избавил её от трудов и сам приносил ей воду и пищу. Она устала и нервничала, стала чаще огрызаться, скалить зубы и топорщить ядовитые шипы на хвосте. Но потом она всё равно приходила за лаской и защитой.

Ша облюбовала себе место в тёмной нише под наосом, у подножия высокой статуи Владыки Каэмит. Много времени она отдыхала там, в прохладе и темноте. Колдун устроил ей логово, застелив пол мягкими циновками и отрезами тканей. До последнего мужчина боялся, что самка сбежит в пустыню, но она продолжала доверять ему.

Во время ритуалов ша выбиралась из своего импровизированного логова. Иногда её утробный голос вплетался в песню Колдуна, когда по-своему она славилась их общего божественного покровителя. Так было до того дня, когда она вдруг не вышла. Маг ласково звал её, но она не отзывалась.

---

²² Гламур (от шотл. *glamour* – ускользящая привлекательность, колдовское очарование) – здесь: волшебное искусство изменения облика. Термин берет своё начало в средневековых сказаниях о дивном народе, в которых это слово означало волшебные чары, применяемые для отвода людских глаз, зрительный обман, наведённый с помощью магии. Фэйри, чья форма была текучей и непостоянной, пользовались гламуром, чтобы обретать невиданную красоту или, напротив, вызывать страх, или же придавать иной облик какой-либо местности.

Приблизившись к наосу, мужчина опустился на колени и заглянул под него. Его чуткий слух едва различал её хриплое дыхание из темноты. Ей было плохо, больно, тяжело, и у неё не хватало даже сил, чтобы позвать на помощь. Когда мужчина поднёс воды, самка не притронулась к ней. Она даже не оскалила зубы, когда маг отёр её морду влажной тряпицей.

Собственные тревоги мгновенно оставили его. Колдун заметался по храму, собирая необходимые эликсиры, снося к логову под наосом всё необходимое, что только могло пригодиться. Он вливал самке сквозь зубы целебные зелья, гладил по животу и нашёптывал древние заклинания, которых уже давно никто не слышал под небом Владык Эмхет. Ша, благословившая этот храм своим приходом, не должна была умереть. При одной мысли об этом у мага наворачивались злые слёзы, и с новой силой звучал рокочущий речитатив заклинаний. Жизни двуногих значили для него намного меньше, чем жизнь огнегривой самки и её нерождённого потомства.

Самка металась и мучилась в его объятиях, взлаивала и утробно рычала, а иногда стонала совсем по-людски. В какие-то мгновения их восприятие сливалось, и тогда Колдун чувствовал, как его сила вливалась в неё и как уже его внутренности разрывались от боли, сокращались, раскрывались, проталкивая на свет маленькие живые комочки, хрупкие и бесценные...

Лишь одного не удалось ему спасти в ту долгую ночь. Семь живых щенков народилось у его самки – по числу самых ярких звёзд Северного Серпа, созвездия, посвящённого его Богу. Восьмой так и не сделал свой первый вздох, как ни вливал в него силу Колдун. А потом в изнеможении мужчина лёг рядом с ша, ласково вылизывавшей пищащие клубочки. Устало он прошептал благодарственную молитву, прежде чем забыться сном, крепким, как сама смерть.

Проснулся он оттого, что его настойчиво выпихивали куда-то. Не сразу Колдун осознал, где находился, и только выкатившись из логова под аккомпанемент утробного урчания вспомнил. Он прижимал к груди окоченевший трупик. Ша в логове прогоняла его на охоту довольно бодрым рыканьем. Ужасы минувшей ночи, когда смерть почти пришла за ней, остались позади.

– Видишь, как несообразительны двуногие самцы, прекрасная, – усмехнулся маг, потягиваясь до хруста в костях и разминая затёкшие мышцы, но не выпуская из рук холодный комочек. – Исправлюсь сей же час.

Заглядывать в логово он не стал. Самка была не в лучшем расположении духа и могла укусить. Справедливо рассудив, что раз она не жаловалась, то щенки были в безопасности, Колдун покинул святилище. Мёртвого детёныша он с молитвой доверил священному огню. После он набрал полную флягу воды, захватил копьё и отправился на охоту. Маленькой стае священных зверей, поселившихся в древнем храме, нужны были силы.

На этот раз маг пошёл глубже в пески. Мяса змей было бы недостаточно для такого случая. Он надеялся выследить газель или неосторожную песчаную кошку. И хотя сил он потратил немало, колдовское искусство по-прежнему оставалось его лучшим оружием, не знавшим промаха.

В том, что удача улыбнётся ему сегодня, он не сомневался. Иная, эльфийская часть его наследия позволяла ему настроиться на природу и землю, хоть это и не были зачарованные чащобы по ту сторону гор. Серкат недаром учила его вслушиваться в дыхание пустыни, выслеживать обитателей песков, находить воду и безопасные тропы. Плох был тот жрец Сатеха, кто не умел чувствовать ритмы Каэмит и выживать здесь. Кому, как не Его служителям, могли открываться нити и островки жизни посреди бесплодных песков и красноватых скал. Подобно тому, как наследники Ваэссира чуяли свою землю и могучий ритм Великой Реки, так отверженные жрецы древнейшего из культов Таур-Дуат дышали в такт с владениями своего Бога даже там, где все прочие погибали.

Колдун вернулся в сумерках, неся на плечах молодую газель. Ни кусочка её нежного мяса он не оставил для себя. Несмотря на усталость, у него было радостно на душе настолько, что

он даже напевал. Его голос отражался эхом среди древних камней – эхом, показавшимся бы многим жутким, но, разумеется, не ему самому.

Он затеплил настенные светильники – длинные мистические тени тут же заплясали на камнях пола, – вошёл вместе со своей ношей в святилище... и замер на пороге. Большой матёрый зверь с мощными лапами и клочковатой красной гривой застыл в центре зала, неуверенно водя из стороны в сторону раздвоенным хвостом, и чуть припав на передние лапы. Его глаза-угли смотрели в сторону наоса, из-под которого раздавалось глухое угрожающее рычание.

Осторожно Колдун опустил газель на пол и поудобнее перехватил копьё.

– Думаешь причинить им вред – я убью тебя, – спокойно произнёс он.

Убить священного зверя было тяжким грехом, но сейчас Колдун стоял на защите целой священной стаи.

Ша резко развернулся и бросился на мага. Мужчина ударил его древком и выкрикнул заклинание, усмирявшее чудовищ пустыни. Несколько раз самец огрызался и бросался на мага вновь, но древние забытые слова пробуждали его сознание за пеленой инстинктов, а копьё удерживало дистанцию. Колдун не ранил зверя, но удары древком наносил вполне ощутимые. Голос его звучал повелительно, усмиряя ярость хищника, обращая его суть к пониманию. В итоге самец чуть припал на передние лапы и склонил гривастую голову. Колдун опустил копьё, приблизился к противнику и позволил обнюхать обёрнутую льном опалённую руку. Между ними воцарилось подобие мира.

Ша наблюдал, как мужчина оттащил газель к логову самки. Новоиспечённая мать была очень голодна и нехотя ненадолго оставила щенят в глубине своего логова, чтобы насладиться пиршеством. Самец сел поодаль, обернув хвостом лапы, и наблюдал. Колдун же наблюдал за обоими созданиями, которых прочие называли чудовищами.

Самка наелась и даже оставила немного мяса магу. Напившись воды из глубокой фаянсовой чаши, которую поднёс ей мужчина, она благодарно ткнулась мордой ему в бок. Потом она оскалилась на самца и угрожающе подняла ядовитый хвост, ошетилив обе иглы, но зверь только склонил голову.

– Это – отец? – тихо спросил Колдун, погладив самку по загривку.

Она прижала уши и подтолкнула его ближе к логову – к щенкам. То был акт безусловного доверия. В дикой природе самцы ша в битвах за территорию порой убивали молодняк, питали свою плоть их силой. Но отцы обычно предпочитали расширить стаю – по крайней мере, до той поры, пока молодые самцы не подрастут и не вступят с ними в противоборство. Пары ша создавали редко. Как и их покровитель, они были непримиримы и непокорны. Лишь с теми немногими, кого они пускали на свою территорию, они заключали мир.

Колдун положил копьё рядом, чтобы в любой момент иметь возможность схватить его. Осторожно он протянул действующую руку в логово и извлёк на свет двуххвостого щенка. Как и собаки, ша рождались слепыми, но нюх их был безупречен. Щенок пищал и тыкался в его ладонь, но успокоился, когда маг прижал его к груди, согревая. Запах был малышу знаком. Самка нервничала, но позволила мужчине держать детёныша. Таким образом она показывала самцу, что у её стаи уже есть защитник, которому она доверяет.

Кончиком пальца маг осторожно погладил рыжеватую мягкую шёрстку, провёл по миниатюрному хвостику. Иглы тоже были ещё мягонькими и неядовитыми. Зато, как он знал, яда стало больше у самки. По природе самки ша вообще были более ядовиты, чем самцы, тем самым компенсируя своё более хрупкое телосложение. Их яд становился сильнее в период, когда они вынашивали и рожали потомство. Его ша могла постоять за себя, но всё же Колдун не хотел оставлять её одну. Он задумался, как мог ограничить доступ к святилищу для другого священного зверя. При всём желании остаться здесь и откладывать срочные дела дальше он уже не мог.

Маг поглаживал щенка, задумчиво вычерчивая пальцем узор на его спинке. Искусство каллиграфии всегда помогало ему мыслить яснее. И узор стал вырисовываться в его сознании... Он сможет создать защитный круг вокруг святилища, входить в который позволено будет только этой ша и её щенкам. Конечно, круг придётся поддерживать время от времени, но он успеет вернуться и обновить заклинания.

Бережно он положил детёныша к его братьям и сёстрам. Самка продолжала скалиться на самца, пристально наблюдавшего за ними, дыбила гриву и глухо рычала. При этом она прижималась горячим боком к Колдуну.

– Я знаю, как защитить тебя, – шепнул ей маг.

Рыкнув для острастки на самца, она проскользнула обратно в логово. Мужчина посмотрел на сидевшего неподвижно зверя.

– С женщинами трудно, – сказал он примирительно. – Но завоевать их расположение можно. А ты пришёл сюда при клыках и без подарка. Конечно, кому такое понравится?

Ша повёл ушами и вывалил длинный язык, лениво дыша и демонстрируя внушительные клыки.

– Красавец, кто же спорит. Но я вот газель принёс, а с тебя какой ей прок? – усмехнулся маг.

Самец закрыл пасть и вздохнул, а потом тихо без угрозы заворчал. Самка тотчас же отозвалась рокочущим рыком – для острастки. Самец бросил ещё один взгляд на Колдуна и покинул святилище. Маг посмотрел ему вслед, прислушался к ощущениям и выждал немного. Потом он собрал инструменты и приступил к работе. Задача перед ним стояла непростая – защитить одних священных зверей от другого в святилище божественного покровителя всех их. Со всей тщательностью мужчина подобрал ингредиенты, выписал священные знаки и пропел слова заклинаний. Несколько часов у него ушло на то, чтобы сделать мощный круг, способный продержаться до его возвращения. Он должен был защитить доверившуюся ему ша и щенков, ставших для него символом надежды и возрождения. Работать одной рукой было сложнее, но такова уж была теперь его жизнь.

Удовлетворённо он оглядел плоды своей работы и устроился на отдых у алтаря, чтобы восполнить силы. К вечеру вернулся самец, обнюхал круг и обошёл его, а потом подтащил к самым границам свежеебитую песчаную кошку и сел ждать. Через некоторое время самка покинула логово и, порывивая, приблизилась к границе круга. Маг наблюдал, готовый прийти на помощь, если понадобится. Самец склонил голову, предлагая свою добычу самке, и она милостиво приняла подношение.

Засыпая у алтаря, Колдун улыбался. Конечно, потом нужно будет как следует убраться в святилище, превратившемся в логово священных зверей. Но пока пусть будет так.

Как ни хотел остаться маг в храме Сатеха вместе со своими ша, как ни успокаивал себя мыслями о необходимости восстановить силы ещё хоть немного, он остро почувствовал волю своего Бога. Сатех ждал его действий. Пришла пора отправиться в Апет-Сут.

Он дождался наступления глубокой ночи и спустился в нижние залы к порталному кругу. Все храмы в Таур-Дуат были построены на Местах Силы, и в каждом существовала точка для преломления пространства. Но сил и искусства для такого перемещения требовалось немало. Вот почему порталы так и не были приспособлены ни одним Императором для того, чтобы переправлять войска. Группа жрецов могла провести лишь небольшой отряд. Нарушение определённых законов вело к смертям среди участников ритуала – и тех, кто ритуал проводил, и тех, кто проходил через портал. Тонкая ткань планов бытия не терпела неосторожного подхода. После того как в ходе экспериментов когда-то погиб Владыка Синаас Эмхет, могучий чародей, и его дочери-жрицы, святилища было приказано использовать только так, как заповедовали древние.

Но для жрецов Сатеха законы были писаны иначе. Они ходили тропами, граничившими с пламенной бездной безумия. Порталы их святилищ вообще лучше было не использовать никому, кроме них.

Искусство Колдуна было столь велико, что когда-то он протянул нить между этим святилищем и своей резиденцией в предместьях Апет-Сут – вроде тех, что были протянуты между некоторыми большими храмами Таур-Дуат. В любой момент он мог перерезать эту нить, чтобы непосвящённые не нашли путь в его убежище, но пока нужды в том не было. Научившись соединять такие разные свои таланты, он обрёл умение прокладывать пути и в места, где никаких святилищ не было вовсе, но прибегал к этому редко. Физическое тело и разум его всё же существовали по законам земного плана бытия, и лучше было не расшатывать их сверх меры.

Облачившись в своё длинное чёрно-красное одеяние, перетянутое золочёным поясом, маг накинул на плечи головное покрывало и спрятал лицо. Он уже попрощался с ша, пообещав вернуться сразу, как дела в столице будут улажены, но всё же колебался. В последний раз оглядев подземное святилище, он шагнул в пустоту порталного круга, позволив Месту Силы растворить его плоть и возродить в другом месте.

Колдун оказался в тайном святилище в своих покоях. Оттуда он прошёл в маленькую уютную приёмную с изящным столом на резных ножках и несколькими креслами. Не зажигая светильников, он расположился во главе стола и кликнул кого-то из слуг. Благо голос его не имел расы и не менялся от превращения к превращению, если сам он того не желал.

Через пару минут в дверь робко постучала и вошла заспанная рэмейская девушка. Слуги этого дома, щедро подаренного ему Амахисат, давно уже привыкли к его странностям. Все они были тщательно отобраны и безукоризненно исполняли свои обязанности. Все они были преданы ему, и даже если и боялись поначалу, то впоследствии гордились тем, что служили такому уважаемому рэмеи, пользовавшемуся неограниченным покровительством Владычицы Таур-Дуат.

Когда-то он хотел внушать страх. В конце концов, страх был куда приятнее презрения и отвращения. Но чем глубже он погружался в таинства своего искусства, тем меньше его трогали чужие реакции. Преданность и уважение он ценил, но не обманывался ими и никому не доверял по-настоящему.

– Господин... мы не ожидали твоего возвращения так скоро, – с поклоном проговорила девушка. – Ужин не готов, но мы...

– Я сыт, – мягко прервал её маг. – А вот кувшин хорошего вина, пожалуй, не помешает. И сыр с фруктами. Гранаты особенно хороши в это время года, и кровоток восстанавливают не хуже вина. Подай две чаши, будь добра. И гонца во дворец пошли поскорее – пусть подаст условный сигнал.

– Что передать с ним?

– Что я вернулся и смиренно ожидаю встречи.

– Будет исполнено, господин.

Остальное Амахисат домыслит сама и явится так скоро, как только сможет. Царица знала, что маг редко требовал встречи. Обычно она сама приходила к нему, чтобы передать очередную деликатную просьбу.

Через некоторое время та же девушка принесла кувшин гранатового вина и два кубка. Вторая сопровождавшая её служанка поставила на стол блюдо с сыром и фруктами. Два граната были аккуратно нарезаны, так что обнажились драгоценные зёрна мякоти. Если бы светильник был зажжён, зёрна мерцали бы, как драгоценные камни... или как капельки крови.

– Благодарю вас. Встретьте высокую госпожу и можете отправляться спать.

С поклонами девушки удалились за дверь. Только тогда маг позволил себе снять покрывало. Прибегать к гламуру он не желал.

Мужчина налил себе вина и зажмурился от удовольствия, смакуя вкус. Он умел наслаждаться как простыми радостями, так и теми, что были доступны лишь элите общества. Царица ценила его услуги в достаточной степени, чтобы не скупиться на поставки вин, достойных императорского стола, да и не только вин. Лучшая еда, драгоценные ткани и благовония, редкие камни, которые поставлялись только в столичные храмы, прекрасные утончённые куртизанки – всё было ему доступно. И Сатех получал щедрые дары от Своего служителя, только самое лучшее. Маг ничего не жалел для Бога, который был смыслом его существования.

«Пожалуй, это вино подойдёт, чтобы украсить благодарственную жертву», – подумал Колдун.

Его мысль потекла дальше. Если бы в его распоряжении были мастера, он не просто раскладывал бы кусочки чистейшего лазурита, оникса, сердолика и граната по святилищу, но украсил бы его *по-настоящему* инкрустациями и фресками взамен тех, что выпцвели или были сбиты века назад. Но, увы, непосвящённых пришлось бы убить, чтобы те не открыли тайну полуразрушенного храма и скрытых там историй. Пропажу художников, чьё искусство было достойно Сатеха, заметят сразу. Вот когда начнётся война – другое дело, ведь мало ли прекрасных мужчин и женщин сгинет в её пламенном чреве?

Едва ли сумеет он найти и мастера, способного вырезать новый жезл, а у него самого не хватит умений. Маг готов был потратить сколько угодно времени на обучение у лучших краснодеревщиков и оружейников Империи, но проблема теперь была не в годах, а в его облике. Сохранять гламур настолько долго он не сможет, а если его тайна ненароком откроется, он опять-таки не сможет оставить в живых случайного свидетеля.

«Война, – снова подумал чародей. – Когда земля затрепещет под шагами Великого, когда воздух наполнится Его жарким дыханием, откроются и новые пути служения. Может статься, найдутся и мастера...»

В подобных мыслях, приятных и не слишком, Колдун неспешно допил полный кубок вина и налил себе ещё. В сон его не клонило – сказывался и недавний отдых, и то, что он вообще предпочитал бодрствовать в ночное время. Маг предполагал, что слуги тоже предпочли проснуться и бдеть в ожидании царицы, чтобы не навлечь на себя её гнев даже нечаянно.

Высокое положение Амахисат не позволяло ей спешить, да и путь из дворца в предместья Апет-Сут был неблизким. К удивлению мага, Владычица почтила его дом своим приходом даже раньше, чем он ожидал. Примерно за пару часов до рассвета могущественнейшая женщина Империи вошла в приёмную, оставив своих стражей где-то у входа.

Маг не потрудился накинуть покрывало. Он поднялся из-за стола ей навстречу, поклонился с преувеличенно радужной улыбкой и пропел:

– Привет тебе, сиятельная госпожа.

– Хорошей ночи, мудрый, – спокойно ответила царица, используя жреческий титул.

Конечно, в густом даже для глаз рэмеи полумраке она пока не заметила перемен.

Мужчина церемонно отодвинул перед ней одно из кресел, налил вина во второй кубок и только потом зажёл светильник у стола. Всё с той же гостеприимной улыбкой он воззрился на царицу.

Амахисат замерла.

– Что с твоим лицом? – неприязненно спросила она через паузу, и тень отвращения легла на её царственную бесстрастную маску.

Маг отвесил ей ещё один поклон, на этот раз – насмешливый.

– Откуда столько отторжения к тому, чем ты сама меня наградила, матушка? – невинно осведомился он и усмехнулся. – Не без помощи своего эльфийского друга, конечно же...

Глаза женщины – серо-стальные, как у него самого, – полыхнули холодным гневом и сузились.

– Не злоупотребляй моим расположением, *Вирнан*, – предупредила царица очень спокойно, назвав его ненавистным эльфийским именем.

Вирнан. «То, что не имеет места». Даже не «*тот*» – «*то*».

– Справедливо, – прохладно усмехнулся маг. – Но, увы, сделать что-то с любезно подаренным мне вами обликом, дабы усладить твой взор, – он провёл левой рукой у лица – не в моих силах. Видишь ли, исполнение твоей деликатной просьбы стоило мне и лица, и руки, и кое-чего более дорогого, госпожа моя. Если тебе интересно, я едва не погиб.

Колдун протянул Амахисат открытую обожжённую ладонь и чуть шевельнул пальцами. Видимо, зрелище было столь отвратительно, что даже её выдержки не хватило. Царица набросила на свою руку край палантина и отодвинула его кисть от себя, однако не выразила никаких эмоций.

– В итоге тебе удалось всё исполнить, мудрый? – осведомилась она.

– О, даже больше, чем ты ожидала, – ответил маг, вальяжно садясь напротив неё.

Не торопясь с рассказом, он поднял свой кубок и сделал несколько глотков. Амахисат изогнула бровь, но следом тоже пригубила изысканное вино.

– За наградой дело не станет, ты же знаешь, – спокойно заметила она, когда молчание стало затягиваться.

– У тебя, увы, нет ничего, равноценного моей потере, Владычица, – вздохнул маг, пожимая плечами. – Разве что... Да нет, и это вряд ли...

– Назови свою цену, – она позволила ноткам нетерпения прокрасться в размеренные интонации своего голоса.

– Ученика бы мне толкового, да где ж его нынче достанешь, – он хищно улыбнулся. – Разве что ты отдашь мне другого своего сына. Шучу, конечно же. Ренэф должен стать Владыкой – ко всеобщему благу.

– *Моего единственного сына*, – подчеркнула Амахисат, – я никому не отдам. Да и вряд ли тебе подойдёт воитель.

– Все воители и без того по-своему служат Отцу Войны, – отмахнулся маг. – Лучше найди мне мастера-краснодеревщика, который согласится стать моими глазами и руками... и вряд ли выживет после того, как обучит меня. Не абы кого – *мастера*. Дело слишком деликатное, чтобы оплошать. А ещё сделай для меня особый заказ лучшему твоему оружейнику. Я объясню, какой. Также мне нужна будет лучшая сталь с примесью электрума, взятого с вершины обелиска, осиянного светом Ладьи Амна.

– Ты о многом просишь...

– Мне понадобится ещё красное железное дерево из сепата Нэбу.

– Это исполнить легче.

– И, конечно же, как и прежде, внимание сиятельной госпожи к моим просьбам – бесконечно мною ценимо, – маг улыбнулся и склонил голову.

– Это – часть нашего договора с Серкат, да. В обмен на твою верную службу я не пренебрегаю твоими нуждами, – кивнула царица и сделала пару глотков. – Что-то ещё? Золото? Женщину для ритуалов – эльфийских, человеческих... рэмейских кровей?

Чародей рассмеялся и покачал головой.

– Пока не стоит – я не в настроении вкушать этот плод. Но благодарю тебя. С тобой по-прежнему легко договориться, Владычица.

Амахисат повела плечами, соглашаясь с тем, что само собой разумелось.

– Теперь расскажи мне подробности.

Маг ещё с полминуты взвешивал в ладони, а потом отставил кубок в сторону и размеренно повёл рассказ, избегая ненужных деталей.

– Как мы и договорились, я прибыл в окрестности храма Стража Порога незамеченным и много дней наблюдал, не вторгаясь на их территорию. Псы бы учуяли меня даже сквозь покров

магии. Храмовых стражей направляет благословение их Божества – не мне тебе объяснять. Но моё терпение окупилось сторицей. Я принёс тебе ответ. Тело царевича Хэфера не было найдено, потому что его похитили.

Царица подалась вперёд.

– Ты узнал, *кто*?

– Узнал, и даже увидел – и тело, и одного из похитителей. Точнее, одну. Нужно сказать, что и тело сохранилось куда лучше, чем мы предполагали... благодаря поистине *колдовскому* искусству бальзамировщиков. Собачьи жрецы скрыли его в храме, и... как бы это сказать поделкатнее?... восстановили.

Глаза царицы расширились от изумления.

– Восстановили? – перепросила она. – Они посмели?

– Да. Они как следует подлатали труп и подняли его Силой Ануи. Что тебя так удивляет, госпожа? Жрецам доступно это искусство, иначе они не могли бы противостоять осквернителям гробниц – колдунам, способным вырывать у мёртвых их тайны.

– Я знаю, что доступно, – нетерпеливо ответила Амахисат. – Но поднять из мёртвых наследника Императора?.. Для каких же целей они совершили такое святотатство, хотелось бы мне знать?

– Вряд ли для целей достойных, учитывая, что больше полугода они успешно скрывали своё деяние, оказывая кажущуюся деятельной помощь в поисках. Но, по крайней мере, это объясняет, почему даже Владыка наш, да будет он вечно жив, здоров и благополучен, не нашёл сына ни среди мёртвых, ни среди живых. Царевич сейчас существует *между* Берегом Живых и Берегом Мёртвых.

– Не может быть...

– Хуже ожившего трупа Хэфера мог быть только Хэфер живой. Как-то ты бледна, сиятельная госпожа...

Амахисат покачала головой и спрятала лицо в ладонях – таком не свойственном ей жесте отчаяния.

– Послушай меня, – продолжал маг. – Да, он наверняка помнит, как он умер, и кто его убил. И не будем забывать о жрецах, контролирующих его. Они ведь совершили невыносимое преступление. Нам важно пустить мысли Императора именно в такое русло, и сделать это прежде, чем жрица привезёт сюда мертвеца и, чего доброго, вздумает сыпать обвинениями. Но я сомневаюсь, что она будет спешить. Бальзамировщики, видишь ли, нарушили не один закон. Эта женщина – не рэмеи.

Царица подняла голову.

– То есть как? Людей не посвящают выше послушников для их же безопасности.

– Вот именно. Но она – человек, и – что тебе будет особенно интересно – золотоволосая уроженка Лебайи, как и убившие царевича наёмники. Не правда ли, восхитительно складывается мозаика? Можно было бы сразу убрать её, но я предлагаю повременить, дабы не лишиться таких чудесных доказательств заговора, который очень и очень не понравится нашему Владыке. И я не смею сомневаться, что сиятельная госпожа использует все свои силы и связи с присущим ей утончённым искусством и своевременно. У наших врагов просто не останется путей к отступлению, не то что шансов на победу.

Амахисат задумчиво смотрела в свой кубок. Маг достаточно хорошо знал её, чтобы понимать: уже сейчас мысли её переплетались в сложнейшие узоры будущего плана. Мужчина ждал, пока она обдумает и взвесит его слова.

– Ты уверен в том, что он не выжил, не был исцелён?

– Сиятельная госпожа! – обезоруживающе улыбнулся маг, что в его исполнении скорее напомнило оскал ша. – Я видел швы, наложенные бальзамировщиками, в местах ранений, описанных нашим другом Павахом. Этих шрамов было так много, что едва ли состояние

тела, когда его нашли, было совместимо с жизнью. Но главное, в этот сосуд жизни было влито столько Силы Стража Порога, сколько нет ни в одной мумии. Без этой Силы он не мог бы сделать ни шага... Я до сих пор отчётливо помню её вкус и запах, заглушивший для меня всё остальное, когда я смотрел на него.

Маг облизнул губы. О привкусе Силы своего Бога в Хэфере он царице сообщать не стал, как и о странных словах наследника: *«Ты слишком ревнив, жрец, и ревность застит твой разум»*.

– И всё же, для каких целей им может быть нужен наследник трона? – тихо спросила царица.

– Я и сам хотел бы это знать... Но всё, что я добыл, пока следил за храмом, и что вынес из нашей с ним встречи, я поведал тебе. К слову, не могу сказать, что царевич похож на того, кем был при жизни, – ну, кроме как внешне. Теперь это – опасное непредсказуемое существо, которое многие сочтут жутким. Жрица держит его на цепи, точно зверя, и я поостерёгся бы эту цепь рассекать необдуманно.

– Я поняла тебя. Но надо же... Ай да жрецы заброшенного храма. Кто бы мог подумать! – царица с усмешкой покачала головой.

– Всем нравится обладать властью. Просто иногда желание власти распространяется только на собственную жизнь, а иногда... – он развёл руками так ловко, что не расплескал ни капли драгоценного вина.

– В твоём культе разве не принято поработать чужую волю? – вдруг спросила Амахисат.

– Что ты, сиятельная госпожа. Волю живущих поработают их собственные страсти и стремления. Но ведь они же и возносят нас, не так ли? А Тот, Кому я служу, Он, хм... – маг чуть улыбнулся, – Он просто самый страстный из всех Божеств. Увы, мы сейчас находимся на том этапе развития цивилизации, когда аскетизм восторжествовал над страстью. Не всем это принесло благо.

– Закон восторжествовал над Хаосом после изгнания хайту, – напомнила Амахисат насмешливо.

Колдун примирительно поднял руки.

– Не мне спорить с твоими мыслями и взглядами, Владычица. С этим ты и сама неплохо справляешься, идя по тонкому лезвию своих суждений.

Царица ничего не ответила, да он и не ждал. Через несколько минут она задала ему ещё ряд вопросов о деталях – о том, как выглядели Хэфер и жрица, как охраняется храм и много ли там жрецов, и о прочих полезных для её размышлений вещах. Маг отвечал охотно и правдиво, но кое-что приберёт исключительно для себя.

А когда Амахисат пришло время возвращаться во дворец, она поднялась и наградила мага чарующей улыбкой:

– Права была Безумная Серкат, когда-то велевшая мне сохранить твою жизнь. Ты великолепно служишь мне, подчас даже лучше, чем я сама ожидаю.

Маг кивнул, не поморщившись, хотя очень не любил, когда царица вспоминала его наставницу – не потому, что не хотел помнить, о нет. Память его хранила все годы соприкосновения с бесценной мудростью Серкат как величайшее сокровище. Просто никто не был достоин произносить её имя, и меньше прочих – та, что имела несчастье произвести на свет его брентную оболочку.

Когда-то именно Серкат выторговала его жизнь за грядущую пользу, которую он сможет принести. В детстве он не знал этого и много времени и сил потратил на уговоры своей наставницы и названной матери, чтобы та раскрыла ему тайну его рождения. В итоге жрица сдалась и показала своему ученику разговор, состоявшийся тайно ещё до его появления на свет. Серкат показала ему ответ в трансом видении, и видение это навсегда запечатлелось в сознании мага.

– *Нельзя бездушному отродью появляться на земле. Это противоестественно!*

– *Не более противоестественно, чем ваша с твоим эльфийским союзником страсть. Или всё же любовь?*

– *Не твоё дело, безумная жрица! Сделай то, что должно, – извлеки мразь из моего чрева, пока она не успела родиться. Об этом я не смею просить никого из целителей. Никто не должен знать.*

– *Он, – загадочно улыбнулась Серкат. – Это будет не она, а он... Великий жрец и маг, которому потребуются забота и лучшее обучение. Послушай меня, глупая ты девица. Однажды ты станешь царицей Империи.*

– *Твои глаза ослепли! У Таур-Дуат уже есть царица, и она растит Императору наследника.*

– *Это скоро изменится, притом без нашего участия. На твоём нелёгком пути тебе понадобятся союзники. В нём – крови от крови твоей – ты найдёшь помощника, незаменимого и могучего даже в самых дерзких из твоих планов. Не отвергай этот дар Богов. Позволь ему родиться, Амахисат.*

– *Если так, то и воспитывай его сама! И чтобы никто не узнал об этом!*

– *С радостью, госпожа... с радостью... Я и мой Бог дадим ему ту любовь, которой в твоём сердце нет.*

– *Мне всё равно. Я дарю тебе его жизнь... но взамен жду обещанной помощи.*

– *Так всё и будет, клянусь верностью моему служению...*

Возможно, Серкат была не самой ласковой матерью, но она искренне любила мага и научила его всему, что знала, и вместе с ним радовалась, когда он сумел даже превзойти её. В нём она разглядела продолжателя своих задач. Сам Сатех направил её и открыл ей страшную тайну зачатия Своего будущего жреца, верного и истового. Серкат боролась за своего посвящённого брата и названного сына ещё до его рождения. Не ради царицы спасла она его и вырастила, а ради их общего служения. Амахисат была дальновидна, но не настолько, чтобы распознать что-то дальше своих интересов и интересов государственных, к которым была причастна.

А потом пределы Знания Серкат стали намного шире пределов её разума... слишком скоро, хоть она и готовила его к такому. Она ушла на Западный Берег, и их культ осиротел. Остался только он...

Иногда магу особенно остро не хватало её – вот как сегодня. Но, по крайней мере, его Бог всегда был с ним. Сейчас жрец Сатеха по прозвищу Колдун чувствовал, что Владыка Первородного Огня был доволен им. Это чувство отдавалось в сердце сладким жаром. Беседу с Амахисат он провёл *правильно*. И слова его, и молчание были подобраны верно для узора дальнейших событий.

Скоро в Апет-Сут настанет время перемен. Ренэф вернётся из Лебайи, Анирет – из верхних сепатов... а мёртвый Хэфер – из своей заброшенной обители.

Что же он сам? Он будет терпеливо зализывать раны и набираться сил, и заботиться о своей маленькой стае.

Амахисат ушла, и маг остался один. Он чуть улыбнулся, кладя ладонь на затянувшуюся рану на плече, отчётливо вспоминая прикосновение из видения, и еле слышно пропел строки из колыбельной Серкат.

*«Ты, кто рождён из тьмы и звёздного света,
Ты, кто владеет пламенным Сердцем Мира,
Моё Дитя Чуда...»*

Глава 5

Анирет повела затёкшими плечами и нахмурилась, внезапно осознав, что в четвёртый раз перечитывает один и тот же кусок текста, но смысла написанного не понимает. Наверное, на сегодня уже достаточно свитков, но она не могла заставить себя закончить. Легче было погрузиться в написанное, в решение задач, которые ставил перед ней дядя, чем думать о той прекрасной и вместе с тем жуткой статуе с живыми золотыми глазами в гробнице... о полузабытом величии Императрицы Хатши и запечатлённой в веках любви и памяти... о том, почему Нэбмераи после своего странного признания в храме как будто избегал её. Отец ждал результатов, рассчитывал, что она многократно обогатит сокровищницу своих знаний в ходе этого путешествия. Предаваться печали и непонятым противоречивым чувствам было сейчас неуместно.

В садах управителя сепата, в тени плодовых деревьев, в прохладе у искусственных водоёмов она находила уединение в те часы, когда не сопровождала Хатепера. Уединение, но не покой.

– Хорошо здесь, да? Тихо.

Она вздрогнула от неожиданности и подняла голову. Надо же было так задуматься, чтобы даже не услышать приближения дяди. Хатепер улыбнулся и сел рядом с ней на расстеленную под натянутым пологом циновку. Окинув взглядом разложенные вокруг племянницы свитки, он уважительно кивнул и, подняв ближайший, пробежал по нему взглядом. Анирет уже знала, о чём там было написано – об обязанностях хранителей императорских некрополей и о роли управителей сепата Сутджа в этих задачах. Не то чтобы она не обладала этими знаниями раньше, но без таких тонкостей и деталей. Теперь же текст был подкреплён реальными впечатлениями, которые она получила, сопровождая Хатепера в его встречах с мастерами и чиновниками. Дядя всегда строил обучение именно так – в сочетании теории и реальной жизни: приводил в пример случившиеся некогда истории или, если это было возможно, демонстрировал то или иное утверждение на практике. Сколько всего он рассказывал ей и братьям, сколько света пролил на то, что в свитках казалось совершенно непонятым! Он был настоящим кладом, целым храмом знаний... и тайн. Пожалуй, не было в Таур-Дуат другого рэмеи, чей разум хранил столько ключей к самым страшным секретам Империи. Но Анирет сейчас интересовали не секреты. В тайную жизнь своих земель она пока не была готова погружаться с головой – с неё с лихвой хватало и явной.

Отложив свиток, она придвинулась к дяде ближе и опустила голову ему на плечо. Хатепер нежно приобнял её за плечи жестом, знакомым ей с детства. Даже когда казалось, что всё очень плохо, дядя был надёжным источником покоя и радости. Разумеется, в детстве её беспокоили совсем иные проблемы, маленькие трагедии тогдашнего возраста, которые дядюшка мог либо разрешить по мановению руки, либо – чем старше она становилась – помочь ей самой найти верное решение. А сейчас, когда она ступенька за ступенькой поднималась к трону, он стал её надёжной опорой и верным проводником. Даже отцу, с которым они очень сблизились в последнее время, Анирет не доверяла настолько. Может быть, имело смысл спросить его совета и сейчас... хотя на фоне забот, лежавших на плечах Великого Управителя, все её тревоги казались мелочными. И если все приходило к нему за советом – то к кому приходил за советом и поддержкой он сам?

– Я очень тебя люблю, – сказала царевна искренне и подумала: «Спасибо, что ты со мной... Спасибо, что тебя всегда... хватало на нас среди всех твоих дел».

– Я тоже люблю тебя, звёздочка, – тихо отозвался Хатепер и погладил её по волосам.

Анирет подняла голову и посмотрела ему в глаза.

– Договоры, союзы, долг... Нет, я знаю, кто всегда напомнит мне о том, кто я есть, и какой хочу быть: *ты*. Ты всегда видел во мне больше, чем другие. Обещаю, что не подведу тебя. И однажды я тоже сумею поддерживать тебя, а не только приходить за помощью.

Хатепер улыбнулся с неизменной теплотой и кивнул.

– Что-то не так между вами с молодым Таэху? – мягко спросил старший рэмеи.

– За исключением того, что я не знаю, как строить с ним общение? – Анирет невесело рассмеялась. – Впрочем и он со мной тоже. Поэтому мы просто не общаемся. Ну, однажды придётся – наследников ведь на свет не произвести на расстоянии.

– Об этом пока рано говорить.

– Вот именно, и слава Богам, – Анирет тряхнула головой и поднялась, чтобы собрать свитки.

– Жизнь не всегда бывает похожа на мечту, – проговорил старший рэмеи, тоже поднимаясь. – И всё же... Сияние Золотой озаряет всех нас. Эмхет – не исключение. Я всегда хотел, чтобы ты познала Её свет так, как мечтала.

– Можно подумать, для тебя Она отразилась в глазах хотя бы одной земной женщины! – Анирет всплеснула руками... и тотчас пожалела о своих поспешных словах. Взгляд дяди изменился буквально на доли мгновения, но от неё это не укрылось, хоть она и не могла понять, что за эмоции промелькнули в его взгляде.

– Боги не даровали мне своих детей, – терпеливо ответил Хатепер, – но у меня были вы. Я был благословлён любовью к вам и гордостью за вас. Сейчас я так счастлив видеть, какой ты становишься женщиной, сильной и прекрасной.

– Но ты один, дядя. Всю свою жизнь прослужив императорскому трону... ты по-прежнему один, хотя сколько женщин мечтало бы о твоей благосклонности. Но, может быть, так и правда лучше – никто не нанесёт удара в спину, – она с грустью покачала головой, думая о друзьях Хэфера и о том, сколько женщин из тех, кто вздыхал по Хатеперу, желали быть с ним ради него самого, а не ради статуса и причитавшихся благ. – Все эти браки по договору лишь ещё больше напоминают о том, что одиночество наше не только вынужденное, но подчас оно даже необходимо... потому что безопасно.

– Ты знаешь историю своего отца. Не всегда мы можем быть с теми, кого выбирает сердце... как бы ни было сильно наше желание.

Он не выдал своих мыслей ни единым случайным жестом, ни единым дополнением к уже сказанному.

– Ты когда-нибудь расскажешь мне? Я сохраню твою тайну, – Анирет заглянула в его глаза. – Ты – пример для меня во многом. Может быть, и в этом?..

– Надеюсь, что нет, – покачал головой Хатепер и улыбнулся с некоторой горечью. – Дело не в моём доверии к тебе – уж в этом не сомневайся. Просто... В основном знание обогащает, как живительный источник, но бывает знание опасное, как яд, противоречивое. И уж в чём в чём, а в любви тебе определённно не стоит брать с меня пример.

Царевна чуть склонила голову в знак уважения к его тайне.

– Иногда молчание говорит о смятении в чувствах, а не об их отсутствии, – будто между прочим заметил Хатепер, подбирая оставшиеся свитки. – Если ты, конечно, не поэт. А поэтов среди нас я что-то не приметил, – он улыбнулся и подмигнул ей.

Анирет тихо рассмеялась, не удивлённая его пронительности, вспомнив, как Нэбмераи ещё в Обители пугал её своими скверными способностями к пению и неосведомлённостью в столичной поэзии. В ночь после их обручения, сидя с ним на внешней стене и распивая финиковую наливку, могла ли она подумать, что всё будет так странно? Да и времени прошло всего ничего... но за столь напряжённым обучением казалось, что уже очень много.

– Пойдём, поблагодарим почтенного Кеваба за гостеприимство, – сказал старший рэмеи. – Он будет счастлив увидеть тебя на общем ужине хотя бы в последний вечер.

– Не уверена, что хочу на общий ужин... но и правда, пора бы появиться, – девушка чуть улыбнулась.

Хатепер помог ей донести свитки до отведённой ей в имении управителя сепата комнаты и попрощался до трапезы. Анирет невольно обрадовалась, что Мейя куда-то отлучилась – в последнее время ей было тяжело в обществе ближайшей подруги. Аккуратно она разложила по порядку свитки, как они и были переданы ей. Это тоже успокаивало мысли. Дядюшка всегда говорил: если хочешь привести в порядок разум – приведи в порядок свои дела. И даже когда в ходе особо напряжённой работы его кабинет начинал напоминать о войнах хайту и нэферу, после он приводил все свитки и документы в идеальный порядок, не доверяя этот вопрос даже личным слугам.

Мейя вернулась, когда царевна уже закончила и как раз собиралась подыскать подходящий случаю наряд в сундуке с одеждой.

– Бирюзовый или тёмно-синий, как думаешь? – не оборачиваясь, спросила Анирет.

– Ты всё-таки собираешься появиться на ужине, ну, слава Богам! – радостно воскликнула служанка и, деловито отодвинув подругу от сундука, авторитетно заявила: – Бирюзовый, определённо, – в том калазирисе и лён более тонкий, да и украшений в тон ему у тебя больше. Дай-ка посмотрю на тебя. Макияж сейчас обновлю и сделаю ярче, – она зажала лицо Анирет между ладонями, пробежала кончиками пальцев по её векам и скулам, мастерским взглядом оценивая, какие штрихи требовали дополнения. А потом крепко обняла царевну и тихо сказала: – Я знаю, что тебе нелегко... особенно после посещения некрополя. Но ты не одна, моя дорогая, никогда не одна.

Напряжение, сковывавшее Анирет, вдруг разомкнулось от этих простых искренних слов, и она благодарно улыбнулась, обнимая подругу в ответ.

– Спасибо тебе!

– Ой, да что ты, – смущённо отмахнулась девушка. – Садись-ка, госпожа моя царевна. Волосы, Анирет! Боги, ну что ты сделала со своими волосами за каких-то пару дней!

Царевна прыснула со смеху и покорно отдалась в руки своей служанки, позволяя Мейе подготовить её к официальному ужину. Мейя, конечно, преувеличивала, сетуя, что Анирет начала себя запускать – в конце концов, на всех встречах с вельможами царевна выглядела ровно так, как требовал её статус. Но девушка понимала: подругу действительно беспокоила её замкнутость, и та сопереживала ей всё так же, как когда они обе только узнали о гибели Хэфера. Мейя тараторила без умолку, пересказывая местные новости, которые ей довелось узнать, а заодно шутя о провинциальной жизни в сравнении с дворцовой. Она, казалось, была готова говорить о чём угодно, только бы Анирет не уходила снова в себя. И в итоге царевна поняла, что настроение у неё и правда поднялось, и была подруге очень благодарна. Всё же многолетняя дружба давала о себе знать – они обе прекрасно понимали, как развеять тревоги друг друга. Вот только, увы, теперь Анирет могла даже с Мейей обсуждать далеко не всё. И не только о троне... но и о том, что касалось самой Мейи.

Подруга как раз закончила рассказывать о том, как молодой сын управителя сепата забавно терял дар речи, не зная, куда девать себя в её, то есть Мейи, присутствии. А не далее как вчера он попытался процитировать ей одно из последних стихотворений модного столичного поэта... устаревшее уже полгода как.

– А что у вас со стражем Таэху? Он не приревновал? – с улыбкой спросила Анирет.

– Я на это, признаться, рассчитывала, – нахмурилась Мейя, обводя брови царевны тонкой кистью и чуть отстраняясь, чтобы оценить результат. – Но после посещения заброшенного храма из него слова не вытянешь, не то что безобидную ревность. Я уже начала думать, что вас обоих коснулось проклятие зодчего Сенастара, не к нисходящей ночной тьме он будет упомянут, – девушка усмехнулась. – Но, с другой стороны, дядюшка твой ведь тоже побывал там, и ничего, не лишился красноречия. Да и за солдатами, тебя там сопровождавшими, я

особых перемен не замечала. Эх, надо было идти с вами! А то теперь на фоне вас я чувствую себя случайно забредшим на похороны пьяным гулякой.

Анирет задумалась над её словами, а потом ответила:

– То место полно печали и несправедливости. Забытый храм, в котором больше не проводят ритуалов, похож на разорённую гробницу. Как жрец, Нэбмераи не мог не почувствовать...

«И, находясь там, не мог не задуматься обо всём том, что налагает на нас наш долг», – мысленно закончила она, снова почувствовав острый укол печали.

– Там нелегко находиться, – подытожила царевна вслух.

– Да, мне было не по себе даже в окрестностях... – Мейа передёрнула плечами. – Ну что ж, по крайней мере, завтра мы отправляемся в храм самый что ни на есть живой и действующий! И, клянусь Богами, я буду лично молиться Золотой о том, чтоб Она наконец-то устроила твою жизнь, так и знай, – девушка улыбнулась.

Анирет только со смехом покачала головой.

– Слушай... – Мейа заговорщически понизила голос. – А если *твой* жрец ещё там?.. Готова поспорить, он умрёт от счастья, когда увидит тебя.

– Ну, скажешь тоже, – отмахнулась царевна. – Сама знаешь, жрецы Хэру-Хазэят прекрасно умеют разделять служение и отношения.

– Однако вашей нежной дружбе уже несколько лет – письмами и вестями вы исправно общаетесь. И, что ни говори, Икер красавчик каких поискать. Всё-таки южная кровь добавляет особого колорита, – Мейа прищёлкнула языком. – Такая милая экзотичная внешность.

– Вот прибудем на остров Хенму – там полно темнокожих красавцев из Нэбу, если к тому моменту мой страж тебе уже надоест, – подначила её Анирет.

Подруги рассмеялись.

Уже с более лёгким сердцем, чем прежде, царевна отправилась на ужин, где была с величайшей радостью встречена управителем Кевабом и его семьёй. После ужина Хатепер объявил, что их следующей остановкой будет Тамер, столица сепата Тантира. Такого энтузиазма, как после этого известия, у своей свиты Анирет не видела уже давно. Рэмеи, конечно, не боялись смерти, но пребывание вблизи некрополей сепата Сутджа, навевавшее – хочешь не хочешь – мысли о вечном, ни в какое сравнение не шло с посещением города-культа самой любимой в Империи Богини, матери празднеств души и тела. Да и сама Анирет предвкушала возвращение в чудесное место, с которым было связано так много прекрасных чувств и событий её ранней юности. В каждом сердце Золотая пробуждала радость, каким бы тяжким ни было бремя, лежащее на плечах, какой бы тёмной ни была пелена, застилающая внутренний взор.

Великая Река неизменно и царственно несла свои воды жизни, питая всю Таур-Дуат до самых отдалённых уголков. Ладьи двигались против течения волею попутного ветра и силой гребцов. Анирет вспоминала легенды о творении, о том, как из лона Матери Живых изливались первые ручьи где-то глубоко в джунглях на юге континента, за высокими речными порогами, преодолеть которые не всякому судну было под силу.

– В мистическом союзе с Ваэссиром Апет набирает силу, и пока силён Божественный Закон на земле, Великая Река от года к году разливается в Сезон Половодья, – голос Хатепера лился размеренно, как сама Апет. – Сила Императоров связана с благоденствием Таур-Дуат. Перед каждым разливом Эмхет приносят щедрые жертвы Богам, а после Император и его царица восходят на ладью, обходя на ней всю Империю, как когда-то – Ваэссир и Хэру-Хазэят, и донося божественный свет в каждый уголок от дельты до дальних южных порогов. Золотое семя Ваэссира, изливающееся в воды Апет, благословляет разливы в сакральном единении.

Они стояли на самом носу ладьи, и Анирет вглядывалась в воды Великой Реки, пытаясь представить ритуал, о котором хорошо знала, но о котором никогда не думала применительно к себе. И отец, и дядя рассказывали ей. После того как Секенэф передал ей формулу призыва

Силы Ваэссира в тело, все те редкие свободные часы, которые ему удавалось выкроить, он посвящал тому, чтобы открывать ей таинства служения их земле и предку. О таинствах тех знали считанные единицы, и никто не был осведомлён о них в большей степени, чем сам Император. Это же знание когда-то было передано Хэферу.

– Когда баланс в токах энергий нарушен, это отражается и на земном плане. Тогда в Империи наступают времена засух и голода, и даже Силы Владык бывает недостаточно, чтобы вернуть жизнь, усилить ток крови земли в главной артерии, – продолжал Хатепер, напоминая Анирет полученные ею знания. – Для всего народа это становится великим горем – скудный разлив или разлив, когда воды Апет возвращаются в русло слишком скоро. Издревле это становилось очевидным знаком того, что Божественный Закон нарушен, гармония утеряна.

– Если так происходит всегда, когда на трон вступает Владыка, по мнению Богов, недостойный... удивительно, что мы ещё живы, – усмехнулась царица, неотрывно глядя на индиговые воды.

– Это происходит не сразу. Баланс энергий связан не только с самим Владыкой. Все мы помогаем ему по мере сил. И ни одна беда не постигает народ без глубинных на то причин, ведь то, что творится на земле, лишь отражает то, что происходит на более тонких планах бытия. Так тело лишь позже, иной раз не в этой даже жизни, отражает недуги, которыми поражён дух. Бывали времена, когда наша Таур-Дуат была... тяжело больна, – Хатепер вздохнул. – Мы можем теперь лишь гадать о совокупности причин, но всегда так или иначе это было связано с нарушением Закона... Но ты, кажется, думаешь не о том, Анирет, – он усмехнулся и подтолкнул её локтем. – Ты вообще слушаешь меня?

– Разумеется, дядя, – кивнула девушка, задумчиво теребя золотой с инкрустациями из бирюзы и лазурита браслет. – Я даже могу перечислить тебе годы правления Владык, в которые нас постигали беды, и, если постараюсь, то вспомню скудные разливы за последние пару веков... Но всё же эта тема для меня... не самая простая.

– Ты боишься, что не сможешь вызвать разлив, – понимающе кивнул старший рэмеи, понизив голос, чтобы их никто ненароком не услышал.

Анирет вздохнула, медля с ответом, не зная, как облечь в слова сразу все свои страхи.

– Да, очень боюсь, – призналась она наконец, тоже понизив голос. – Владыка на троне по сути заключает своего рода брачный союз с самой землёй. Он – её возлюбленный защитник и хранитель. Это я могу понять, как и всякий Эмхет. Боги! Даже эльфы могут это понять, с каким бы пренебрежением некоторые из них ни относились к нашим традициям! В конце концов, их ритуалы плодородия по Колесу Года имеют много общего с нашим ритуалом разлива. Но как... как Хатши, да хранит её Страж Порога, удалось стать Таур-Дуат заботливым супругом? – спросила она, с отчаянием посмотрев на Хатепера.

«Как это удастся мне?!» – безмолвно вопрошал её разум.

Во взгляде старшего рэмеи отразились сочувствие и глубокое понимание. В тот миг Анирет особенно отчётливо осознала, что он никогда не хотел этой роли для себя, не хотел этого долга, не хотел этой растворяющей личность Силы и всепоглощающего служения, которые накладывало на Императора бремя Двойного Венца. Молчание затягивалось, но уже очень многое было сказано без слов. Потом Хатепер протянул ей раскрытую ладонь, и царица без колебаний вложила в неё свою руку.

– Вы ещё не раз поговорите об этом с твоим отцом. Он покажет тебе лучше, чем могу я... и всё же...

Она почувствовала ток энергии, усилившийся, как только пальцы старшего рэмеи сомкнулись вокруг её кисти, – тёплой энергии, родной и защищающей. Через мгновение поток стал интенсивнее, как будто их кровь слилась вдруг в единую систему. Подобно тому, как Анирет чувствовала себя в ходе некоторых ритуалов, она ощутила себя собой и *не собой* одновременно, просто теперь это другое присутствие было не божественным, а вполне личностным.

Могучий поток чужой Силы завораживал и захлестывал, и вместе с ним пришёл целый сонм иных чувств, всплеск мыслей, иное преломление взгляда, которое она не смогла бы описать. Самое близкое, с чем она могла сопоставить это, – совместный любовный ритуал, когда границы между сознаниями обоих участников стираются...

– Ты будешь чувствовать всю нашу землю, – тихо сказал Хатепер, хотя она не столько слышала его, сколько чувствовала то, что он собирался сказать, в мерной поступи его мыслей. Она вбирала дыхание его грудью, ощущала переплетение их рук его ладонью... ощущала стук его сердца и ток его крови, и ветер на его лице, и все те мельчайшие аспекты, что составляли его жизнь в эти минуты. – Ты будешь становиться ею, каждым из нас. Вот, что означает быть наследницей Ваэссира... Любой сможет стать инструментом твоей воли, если ты того пожелаешь, – его тело станет твоим так, как будет нужно для целей ритуала, и все токи его энергий будут тебе подвластны. Но не забывай о том, что жизнь на земле можно сотворить только с Любовью. И не забывай, что сильнее всего оказываются те ритуалы, в которые участники осознанно вкладывают свою собственную волю. Лишь тогда наступает единство помыслов и деяний.

С этими словами он отнял руку. Анирет стояла ошеломлённая, не в силах осознать, что только что буквально на несколько мгновений он дал ей почувствовать связь, которая объединяла Хатши и Сенастара, связь, которая объединяла десятки союзов Императоров и цариц, но в несколько ином преломлении. Она могла *стать* тем, с кем была... и осознание этой власти пугало её. Мысленно она возблагодарила Богов, что тайны Эмхет были известны лишь избранным. Иначе так легко было бы кому-то распорядиться знанием неразумно, потакая случайному порыву или эгоистичной прихоти!

Осознала она и то, какое немислимое доверие потребуется от Нэбмераи.

«Чтобы стать всем этим для Владычицы, я должен любить её».

Нет, он не считал её достаточно мудрой, чтобы обладать такой великой властью. Пока ещё нет. И доверия между ними не было – его лишь предстояло выстроить. Но была Любовь, дарованная Ваэссиром и Хэру-Хазэят, озарявшая ритуалы разливов. Этой Силой благословлены все потомки божественного Владыки. Именно она размыкала пределы и наполняла жизнью землю. Нужно было лишь настроить себя, подобно музыкальному инструменту, в резонанс со звучанием этой Силы.

Что до той любви, которая соединяла некоторых Императоров и цариц вне ритуалов... Все Эмхет, похоже, слишком дорого платили за неё.

О матери любимого брата Анирет знала достаточно хотя бы потому, что и сама вместе с Хэфером не прочь была послушать рассказы дядюшки об этой удивительной женщине. И Владыка, и царица – по разным причинам – отказывались говорить о ней. Негласно эта тема во дворце была запретной с появлением новой Владычицы, хотя старые слуги вспоминали прежнюю царицу с теплом – просто не при Амахисат. Каис, дочь ремесленников, могущественная и прекрасная жрица, излучавшая свет Золотой... Говорили, что во многом именно благодаря ей Секенэф решился на то, что казалось поначалу невозможным – на мирный договор с Данваэнноном. Служители Золотой не воевали. Даже посвящённые воины Богини были совсем не похожи на посвящённых воинов других рэмейских Божеств. Они не носили при себе кинжалов и мечей – только посохи. И при этом их тайное боевое искусство не уступало искусству имперских солдат, потому что они умели обращать силу и агрессию противника против него самого. Как в бою, так и в словах и в поступках они производили обманчивое впечатление мягкости и уступчивости. Поэты говорили, что Любовь бывает слепа. Жрецы Золотой говорили, что Она никогда не бывает глупа.

Анирет помнила и трагическое завершение удивительной истории о том, как Владыка всё же обрёл счастье любви. Царица была предательски убита. И после гибели Хэфера Анирет увидела это событие в совершенно новом свете.

«Легко вложить оружие в руки старого врага и представить дело соответствующим образом. Куда как сложнее – разобраться в том, что в действительности произошло».

Каис, первая любовь её отца... нет, даже не так – любовь всей его жизни. Невозможно было не влюбиться в жреца или жрицу, проводившего энергии Богини для того, чтобы раскрыть потенциал юного сердца, разума и тела. Пропуская Силу своей прекрасной покровительницы в ходе совместных медитаций и ритуальных практик, они отчасти становились Ею. Анирет и сама одно время была влюблена без памяти в жреца, который несколько лет назад здесь же, в Тамере, помог раскрыть её женскую силу. Но когда обучение закончилось, он, как это традиционно и делалось, умело и бережно рассёк связь, очертил границы между тем, что она познала о себе самой, тем, что она познала о Золотой, и его собственной личностью. Это отрезвляло. Это защищало сердце не только обучающегося, но и учителя.

Но Секенэф полюбил не только Каис-жрицу, воплотившую для него часть Силы Хэру-Хазйат. Он полюбил *женщину*, полюбил настолько, что не просто сделал её своей фавориткой, но связал с ней свою жизнь как с царицей. Такое в истории Империи случалось чрезвычайно редко. При всей величайшей власти Владыки, носителя Силы Ваэссира, в своей собственной жизни Император мог решать не так много. Живой бог для народа, он был инструментом и оружием Богов на земле – даже более, чем жрец, он был инструментом и оружием своего избранного Божества. Недаром Владыки носили титул Верховных Жрецов Ваэссира.

Дядюшка рассказывал, что Каис имела особую власть над Секенэфом в самом благостном смысле этого слова. Она умела *напоминать* ему, кем он был помимо множества всех своих титулов и задач. Вот что имел в виду и Джети Таэху, когда сказал, что ей нужен кто-то, кто напомнит ей, какой она хотела и должна была быть.

Со временем Анирет начала понимать, почему её мать так ревновала. Амахисат, привыкшая властвовать над любыми обстоятельствами, власти над своим супругом не имела. Даже Хэфер, живое воплощение любви Секенэфа и Каис, не обладал этим умением в полной мере. А со смертью их обоих... так ли много осталось от личности отца?

От этой мысли царевна содрогнулась. Думая о Каис, она думала и о запретном союзе Хатши и Сенастара, и о таинственной истории Хатепера, которой он так и не поделился. Если дыхание Любви было в каждом творении Амна, то почему же Эмхет было отказано в *этом* Её аспекте? Почему те из них, кто получал *этом* Дар Золотой, проходили через испытания подчас непосильные? Не лучше ли было и вовсе не знать этого Дара, чем обрести его и потерять?

– Мой отец... – тихо проговорила царевна. – Он хоть раз пожалел о своём выборе? Уже после...

Хатепер вздохнул, понимая, о ком и о чём говорила Анирет.

– Ты видела и разделяла его горе тогда, когда мы потеряли Хэфера. День смерти его царицы я не сумею тебе описать – мне просто не хватит слов. Но нет... Он никогда не жалел, что возвёл её на трон.

«Он во много раз сильнее, чем я, – подумала царевна, отводя взгляд. – И Хэфер тоже ни за что не отказался бы от дара. Но я... Нет, я не смогу так! О, Благословенная Владычица сверкающего дыхания жизни, будь милосердна ко мне. Если часть милостей Твоих и даров не для меня и не по силам мне, пусть я никогда не познаю их».

Беззвучно произнеся свою горячую молитву, Анирет убоялась вдруг, что Богиня прогневаётся. Прибыть в Обитель Хэру-Хазйат надлежало с открытым сердцем. А впрочем, даже к тем сердцам, что были закрыты, Она одна умела подбирать ключи.

В следующий миг рощи справа и слева расступились, открывая вид на огромный город, раскинувшийся по обоим берегам Апет. В окружении аккуратных двухэтажных домиков и богатых имений с садами возвышался один из древнейших храмов Таур-Дуат, переливавшийся многообразием красок. Широкая дорога от него традиционно спускалась к самой воде. И, в отличие от многих городов, здесь же находилась основная пристань, к которой приходили

лады. Тамер был городом-храмом, и именно на пороге храма Богине было угодно приветствовать гостей в Своём жилище.

Среди всех Божеств Таур-Дуат, великих в своей Силе, не было у народа Божества более трепетно и нежно любимого, чем Золотая Хэру-Хаэйат, Госпожа Бирюзы, чьё сладостное дыхание освящало собой жизнь всего сущего. Была Она вечной, как сам Амн, Отец-и-Мать Мира, и присутствием Её было озарено каждое из творений. Но, согласно легендам, лишь когда Аусетаар и Ануи осознали и познали друг друга, Амн раскрыл Любовь для других, позволил познать Её и поклоняться Ей. Именно тогда ступила в мир Хэру-Хаэйат такой, какой теперь знали и чтит Её живущие. Песни Её озарили все планы бытия, и равно преклонились перед сиятельной Её красотой все создания Амна.

Песню, запечатлённой в камне, был и Её храм. Своды пронизанных солнечным светом открытых залов поддерживались огромными колоннами, испещрёнными священными символами. Каждую колонну по четырём сторонам света венчал лик Богини в драгоценном уборе. Её мудрый ласковый взгляд созерцал вечность и вместе с тем был обращён к тайне каждого сердца, к каждому гостю, что пришёл соприкоснуться с теплом Её Силы. Потолки храма была расписаны созвездиями и Божествами, изображениями движения небесных светил и течения времени. Потолок центрального святилища Золотой – Анирет помнила его почти во всех деталях – был украшен огромным кругом созвездий, единственным в своём роде – уникальным творением мастеров и звездочётов. Мудрецы со всех уголков известных земель старались хотя бы однажды побывать в Тамере, в этой Песни Творению, чтобы соприкоснуться с чудом. В отличие от служителей других культов, жрецы Хэру-Хаэйат на несколько дней в году открывали святилище для всех желающих. Они считали, что таинства Золотой принадлежат всем. *«Что ты увидишь в таинстве, зависит лишь от глубины твоей личности. Никто не увидит, не познает, не унесёт с собой больше, чем способен, а значит, и утаивать не имеет смысла»*, – объяснил когда-то царевне жрец, обучавший её.

Его звали Икер. Он был одним из самых красивых мужчин, которые встречались Анирет, но свет Золотой, наполнявший его в ходе ритуалов, делал молодого жреца поистине прекрасным. Своим мягким глубоким голосом он чем-то напоминал Хэфера, а также и тем, как он терпеливо и доходчиво всё объяснял, с какой нежностью и пониманием помогал раскрыться своей царственной ученице. А ещё у Икера были удивительные руки, танец которых по струнам арфы зачаровывал не меньше, чем их танец по сокровенным струнам тела.

Анирет не знала, где сейчас был её друг, в каком именно храме служил Золотой. Писем от него она давно не получала. В последнем он выражал своё сочувствие к её потере, буквально парой строк, но так бесконечно искренне. Для общины жрецов Тамера Хэфер был не просто наследником трона. Из этой общины была родом его мать Каис...

Возможно, Икер покинул Тамер. Возможно даже, служение теперь проходило в иной сфере Её искусств. Но, по крайней мере, когда-то они расстались друзьями – уже после того как Икер объяснил и показал ей, где лежала грань между любовью к Божеству и любовью к другому смертному, энергии этого Божества пропускавшему. Её сознание и сердце сохранили тепло и нежность тех дней. Пред ликом Богини не могло быть смущения. Хэру-Хаэйат заставляла петь потоки энергий в теле и сознании, пробуждая искру творения и тот потенциал, что помогал воплощать намерение в жизнь на земном плане. Теперь-то Анирет и сама смогла бы пробудить потенциал другого, но своего первого проводника она не забыла.

Хэру-Хаэйат даровала миру целый сонм прекрасных искусств, с помощью которых все живущие теперь могли выражать и воплощать свои чувства. Музыка, танец, живопись, стихосложение – всему этому покровительствовала Золотая, даровавшая вдохновение, позволявшая прозревать красоту Мира во всей множественности его граней и аспектов. И одним из самых удивительных, упоительных искусств, дарованных Той, что есть сама Любовь, было искусство

брачных покоев. Немало было сложено стихов и трактатов об этом, и всё же познание этого пути Богини было бесконечным в своей глубине – настолько же бесконечным, как путь к одухотворению материи и само стремление к Золотой. Примитивные умы, не видевшие в физическом выражении желанья и единения ничего, кроме животной страсти или, в лучшем случае, необходимого действия для продолжения рода, подчас низводили роль некоторых служителей Золотой до храмовой проституции. Истины же в их словах было не больше, чем в нарекании праздников Богини оргиями, а святилищ Её – рассадниками разврата и греховности. Знание, касавшееся единения, было не менее сакральным, чем иные таинства, к которым не допускались непосвящённые. Часть этого Знания жрецы и жрицы Золотой передавали наследникам древнейших родов Таур-Дуат в ходе их обязательного обучения при храмах.

Согласно преданиям, именно Хэру-Хазйат даровала смертным и само понятие празднеств. Её присутствие наполняло радостью всякий аспект жизни. В рэмейском календаре Ей было посвящено больше всего праздников, и зарождались они и начинались именно здесь, в Тамере. Сама земля этого города и всей Тантиры пела Её Силой.

Лады причалили к берегу. Управительница сепата Тантира со свитой и жрецы Золотой встречали дорогих гостей с музыкой, как было принято здесь. Атмосфера всеобщего ликования, казалось, царила тут даже вне праздников, впитавшись в землю и воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.